

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Февраля № 3. 1874 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и пр., и пр., и пр.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ

Призвавъ благословеніе Всевышняго и съ согласія Любезнѣйшей Супруги Нашей Государыни Императрицы Маріи Александровны, Мы соизволили на вступленіе въ бракъ Любезнѣйшей Дщери Нашей Великой Княжны Маріи Александровны съ Принцемъ Альфредомъ-Эрнестомъ-Альбертомъ Великобританскимъ, Герцогомъ Единбургскимъ, и въ 11-й день сего января торжественно совершено Ихъ бракосочетаніе по обряду православной Нашей Церкви.

Возвѣщая о семъ радостномъ для родительскаго сердца Нашего событіи и поручая будущую судьбу Любезнѣйшей Дщери Нашей и Ея Супруга Всемогущему покровительству Царя Царствующихъ, съ твердымъ упованіемъ на Его милосердіе, Мы вполне убѣждены, что всѣ вѣрные Наши подданные соединятъ мольбы ихъ съ Нашими ко Всещедрому Богу

о благополучномъ супружествѣ и благоденствіи Новобрачныхъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 11-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ девятнадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Т Е Л Е Г Р А М М А

Тула.

Губернатору.

„Священный обрядъ торжественнаго бракосочетанія возлюбленной дочери Нашей Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Альфредомъ Эдинбургскимъ совершенъ сего дня въ 3 часа по-полудни. Извѣстите о семъ вѣрноподданнымъ, да сочувствуютъ они Нашей радости и принесутъ совокупно сердечныя свои мольбы Господу Богу оздравіи, долгоденствіи Ихъ Высочествъ и объ осѣненіи Высокой Четы Господнимъ благословеніемъ. По окончаніи благодарственнаго молебна „за многолѣтіемъ“ въ губернскихъ городахъ, гдѣ имѣется артиллерія, произвести по 101 выстрѣлу“.

— Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, 11 января, назначаются: Членъ государственнаго совѣта, Новороссійскій и Бессарабскій генераль-губернаторъ и командующій войсками Одесскаго военного округа, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи Коцебу—Варшавскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Варшавскаго военного округа, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи генераль адъютанта.

І. РАСПОРЯЖЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА.

УКАЗЫ СВ. СИНОДА.

Юля 24 (1873 г.).—О „Полномъ Французско-Русскомъ Словарѣ“ г. Макарова.

Св. Синодъ слушали предложенный г. оберъ-прокуроромъ журналъ учебнаго комитета о допущеніи къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія по французскому языку, составленнаго Николаемъ Макаровымъ „Полнаго Французско-Русскаго Словаря“ (С.-Петербургъ. 1872 г.).
Приказали: Согласно заключенію учебнаго комитета составленный и изданный г. Макаровымъ „Полный Французско-Русскій Словарь“ ввести въ употребленіе въ духов. семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по французскому языку, предпочтительно предъ всѣми другими французско-русскими словарями. О чемъ, для надлежащихъ распоряженій къ исполненію, послать епархіальнымъ преосвященнымъ печатный указъ, съ приложеніемъ, въ копіи, журнала учебнаго комитета.

Журналъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

О составленномъ и изданномъ г. Макаровымъ „Полномъ Французско-Русскомъ Словарѣ“ (С.-Петербургъ. 1872 г. Цѣна 5 руб.).

Можно назвать соотвѣтствующимъ своей задачѣ лишь тотъ словарь, который отличается полнотою лексическаго матеріала, вѣрнымъ показаніемъ разносторонняго значенія словъ и наконецъ богатствомъ фразеологіи, выясняющимъ сравнительные ідиотизмы языковъ, сопоставленныхъ въ данномъ словарѣ. Французско-русскій словарь г. Макарова отличается совершенно достаточною полнотою номенклатуры. Кромѣ общеупотребительныхъ словъ литературнаго языка, въ немъ помѣщено много словъ просто-

народныхъ, употребляемыхъ въ разговорной рѣчи и нѣкоторыхъ родахъ письменности, и сверхъ того онъ богатъ терминами, относящимися ко всѣмъ наукамъ: богословскимъ, юридическимъ и естественнымъ. Чтобы охарактеризовать полноту словаря г. Макарова, достаточно сказать, что онъ увеличилъ номенклатуру на 23000 словъ противъ словаря французской академіи. Превосходя полнотою всѣ предшествовавшіе французско-русскіе лексикографическіе труды, г. Макаровъ не впалъ въ крайность, допущенную однимъ изъ нашихъ французско-лексикографовъ (Ив. Татищевъ), т. е. въ наборъ словъ устарѣлыхъ, мало употребительныхъ терминовъ и т. п.,—крайность, затрудняющую пользованіе такимъ словаремъ и дѣлающую его недоступнымъ по цѣнѣ.

Нельзя сказать, чтобъ эта полнота, безъ излишества, французско-русскаго словаря г. Макарова была плодомъ одного рабскаго списыванія какого нибудь изъ французскихъ словарей. Такого словаря французы еще до сихъ поръ не составили. Французскую академію справедливо укоряютъ въ медленности и небрежности. Въ самомъ дѣлѣ, составленный ею словарь страдаетъ не только полнотою, но даже нѣкоторыми промахами, не служащими къ чести „сорока безсмертныхъ.“ Словари Пуатьвена, Буаста, Наполеона Ланде, Бешреля не свободны отъ пропусковъ, излишествъ и нѣкоторыхъ промаховъ. Словарь Литре, считающійся лучшимъ, еще не конченъ. Составителю Французско-Русскаго словаря предлежалъ трудъ сравненія и повѣрки всѣхъ, пользующихся извѣстностью, французскихъ словарей, и заимствованія изъ нихъ только того, что дѣйствительно существенно и нужно; а этого нельзя сдѣлать безъ основательнаго знанія французскаго языка и безъ работы, крайне усидчивой и кропотливой. Нужно отдать честь г. Макарову, онъ исполнилъ эту часть своего дѣла съ отличнымъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе желательно было бы видѣть въ слѣдующемъ изданіи словаря г. Макарова нѣсколько словъ, опущенныхъ въ настоящемъ изданіи.—Таковы *Clinique*—крещенный на одрѣ болѣзни; *Monophysite*, монофизитъ, признающій только одно естество во Иисусѣ Христѣ; *Monothélite*, моноелитъ, признающій только одну волю во Иисусѣ Христѣ; *Panacoso*,

родъ дерева, растущаго въ Каэнѣ. Относительно трехъ послѣднихъ словъ нельзя было бы быть требовательнымъ, если бы г. Макаровъ не далъ въ своемъ словарѣ мѣста большому количеству словъ подобной категоріи. Можно бы также опустить нѣсколько словъ въ родѣ *Penthese*, будто бы означающемъ въ греческой рѣчи *праздникъ Сретенія*. Это слово помѣщено у Бешреля, вѣроятно, по какому нибудь недоразумѣнію, потому что ни въ церковномъ, ни въ разговорномъ языкѣ никогда не случалось встрѣчать подобнаго слова, которому трудно найти корень и значеніе. Можетъ быть это невѣрно слухомъ схваченная вторая половина слова *Ἐπαπαντήσις*. Впрочемъ, если при тщательномъ пересмотрѣ значительной части словаря г. Макарова мы могли встрѣтить столь малочисленныя опущенія или излишества, то это можетъ служить доказательствомъ того, какъ исправно и добросовѣстно составленъ разбираемый словарь.

Избирая вѣроятнѣйшую точность правописанія среди разнообразія мнѣній французскихъ лексикографовъ относительно нѣкоторыхъ словъ, г. Макаровъ, въ виду трудности произношенія для русскихъ нѣкоторыхъ словъ, обозначаетъ въ своемъ словарѣ особенности ихъ произношенія. Нельзя не принять этой частности за значительную заслугу. Мы не можемъ только согласиться съ нашимъ ученымъ лексикографомъ относительно произношенія такъ называемаго *l'mouillè*. Несомнѣнно, что защищаемое г. Макаровымъ произношеніе поддерживается въ такъ называемомъ „Французскомъ театрѣ“ и отчасти въ старомъ обществѣ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Но въ современномъ обществѣ, въ литературѣ и въ общемъ столичномъ произношеніи *l'mouillè* получило другой оттѣнокъ, который г. Макаровъ называетъ *картавеленьемъ*. Напрасно идти противъ теченія въ живомъ языкѣ: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, *usus tyrannus*.

Но полнота французскаго лексическаго матеріала, составляя внѣшнее достоинство, не привела бы къ цѣли безъ вѣрнаго и полнаго показанія значенія французскихъ словъ на русскомъ языкѣ. И это требованіе г. Макаровъ выполнилъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Достигая точности и разнообразія этихъ значеній, нашъ ученый лексикографъ

соблюдаетъ въ то же время и постепенность. Онъ начинаетъ съ прямого и ближайшаго значенія, за тѣмъ переходитъ къ дальнѣйшему, переносному, со всѣми оттенками, принятыми въ живомъ, часто капризномъ языкѣ. Достаточно открыть въ любомъ мѣстѣ Французско-Русскій словарь г. Макарова, чтобъ убѣдиться въ истинѣ нашихъ словъ, доказывающихъ какъ основательность и тонкость знанія французскаго языка, такъ и добросовѣстность исполненія его труда. Впрочемъ, намъ встрѣчались въ словарѣ г. Макарова нѣкоторыя слова, значенія которыхъ требуютъ исправленія или дополненія. Подъ словомъ *diptyques* показано значеніе: „роспись поминальная (въ древнихъ церквахъ).“ Можетъ быть, это типографская ошибка, не хотѣлъ ли составитель словаря сказать: *роспись поминальная*, или просто *поминанье*? *Bréviaire* не значитъ служебникъ, а вѣрнѣе *канонникъ* или *молитвенникъ*. Подъ словомъ *Flageolet* опущено значеніе: *бобы*. Слову *Fille* не соотвѣтствуетъ значеніе монахиня; оно получаетъ это значеніе только съ дополненіемъ названія женскаго монашескаго ордена или его основателя: *Filles du calvaire*, *Filles de St. Thomas*. Безъ дополненія слово *Fille* означаетъ распутную женщину. *Intellect*—переведенное г. Макаровымъ словомъ — разумъ, точнѣе означаетъ *разсудокъ*, т. е. способность понятій, сужденій и умозаключеній. Прилагательное *Provençale* не ограничивается, какъ то полагаетъ составитель словаря, однимъ употребленіемъ кухоннымъ: происходя отъ имени *Provence*—южной провинціи или графства Франціи, оно означаетъ не только извѣстнаго рода „соусъ“ но и языкъ, обычаи и проч. Къ значенію слова *Parachut*,—означающаго приборъ для безвреднаго паденія съ воздушнаго шара и вообще съ какой либо высоты, нужно прибавить другое:—пружину въ механизмѣ карманныхъ часовъ, умѣряющую качаніе маятника. Значеніе *Parapher*—помѣчать съ надписью—не ясно; яснѣе сказать: помѣчать, подписываться не полнымъ именемъ и фамиліею, или нѣсколькими буквами, или размашкою, росчеркомъ. Слово *Rososo* не значитъ старинный вкусъ, а означаетъ стиль довольно новый, т. е. времени Людовиковъ XV и XVI-го, и толь-

во въ переносномъ, саркастическомъ смыслѣ употребляется для означенія чего нибудь устарѣлаго, или лучше страннаго. Указанныя неточности, не составляя важнаго недостатка, и неизбежныя въ такомъ огромномъ трудѣ, какъ словарь г. Макарова, тѣмъ не менѣе должны привлечь вниманіе нашего ученаго лексикографа при слѣдующемъ изданіи его словаря.

Для большаго уясненія отгѣнковъ значеній словъ, г. Макаровъ приводитъ при извѣстномъ словѣ его синонимы. Въ сожалѣнію, онъ излагаетъ объясненіе синонимическихъ отгѣнковъ на французскомъ языкѣ, а не на русскомъ, что дѣлаетъ эту часть словаря малодоступною для русскихъ. Г. Макаровъ предвидѣлъ это возраженіе и старался отклонить его слѣдующими соображеніями. Помѣщенные въ моемъ словарѣ синонимы нужны и для русскихъ и для французовъ, въ ругахъ которыхъ онъ можетъ находиться этотъ словарь. Помѣщать объясненія этихъ синонимовъ и на русскомъ и на французскомъ языкѣ было невозможно, потому что это заняло бы много лишняго мѣста, которымъ слѣдовало дорожить, въ видахъ дешевизны словаря. По этому оставалось выбирать между русскими и французскими объясненіями. Я выбралъ послѣднее, вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній: русскій, которому понадобится объясненіе синонима, долженъ обладать уже такою степенью знанія французскаго языка, что онъ хорошо пойметъ это объясненіе и безъ перевода, въ которомъ, по этому, и не будетъ нуждаться. Для тѣхъ же русскихъ, которые не поняли бы французскаго объясненія, синонимы и вовсе ненужны, потому что низкая степень ихъ знанія французскаго языка исключаетъ всякую потребность объясненія синонимовъ, которое принадлежитъ къ высшей области языкознанія. И этимъ русскимъ придется думать не о синонимахъ, а о вокабулахъ и діалогахъ. Между тѣмъ, какъ я сказалъ выше, объясненіе синонимовъ можетъ понадобится и для французовъ, которыхъ русское объясненіе могло бы затруднить. Тѣми же самыми соображеніями руководился я и въ отношеніи грамматическихъ правилъ французскаго языка, помѣщенныхъ въ моемъ словарѣ.

Нельзя согласиться съ этими доводами г. Макарова, во

первыхъ потому, что его словарь хотя можетъ быть пригоденъ для французовъ, изучающихъ русскій языкъ (гага avis), но онъ главнымъ образомъ предназначается для русскихъ, изучающихъ французскій языкъ. Если даже по преувеличенной вѣжливости и имѣть въ виду главнымъ образомъ французовъ, то объясненіе синонимовъ на ихъ языкѣ мало принесетъ имъ пользы при изученіи русскаго языка. Они ищутъ во французско-русскомъ словарѣ не отдѣнокъ значенія словъ ихъ роднаго языка, которыя имъ извѣстны, а соответствующихъ значеній словъ русскаго языка, что и нужно было бы имъ показать переводомъ синонимическихъ значеній на изучаемый ими иностранный языкъ. Русскіе, напротивъ, желаютъ понять отдѣнокъ французскаго слова; но встрѣчаютъ затрудненіе во французскомъ текстѣ, на которомъ лексикографъ предлагаетъ свои синонимическія объясненія. Такимъ образомъ помощь словаря въ этой части оказывается мало полезною и для французовъ и для русскихъ. Полезнѣе для дѣла было бы изложить объясненіе синонимовъ на русскомъ языкѣ. Признавая пользу грамматическихъ указаній, весьма кстати помѣщенныхъ при извѣстныхъ словахъ въ словарь г. Макарова, нельзя не замѣтить вышеупомянутой трудности, происходящей отъ изложенія этихъ объясненій на французскомъ языкѣ. Французъ, изучающій русскій языкъ, долженъ знать свою грамматику, и излишне знакомить его съ нею въ французско-русскомъ словарѣ; для русскаго же очень полезно при присканіи извѣстнаго слова привести на память грамматическое правило. А потому естественно изложить эти правила на русскомъ языкѣ.

Г. Макаровъ, не ограничиваясь въ своемъ словарѣ одною лексическою стороною языка, а присовокупляя логическую и даже эстетическую, оказываетъ важную услугу учащемуся юношеству. Самое вѣрное и разнообразное значеніе словъ, стоя отдѣльно, служитъ матеріаломъ для памяти, но не даетъ работы, а слѣдовательно и развитія мысли и вкусу; поставленное же въ фразѣ, оно дѣлается предметомъ сужденія и искусства. Въ этомъ случаѣ не только выясняется составъ и законы внѣшней оболочки мысли, но и ея содержаніе. А потому фразеологія, рационально и искусно подобранная къ словамъ, есть существен-

ное достоинство всякаго словаря. Г. Макаровъ въ своемъ французско-русскомъ словарѣ исполнилъ это требованіе съ замѣчательными ученостью и искусствомъ. Выборъ фразъ по ихъ правильности и чистотѣ на обоихъ языкахъ произведенъ съ полнымъ успѣхомъ: только человекъ, глубоко знакомый съ этими двумя языками, могъ подмѣтить всѣ сравнительные отгѣнки ихъ оборотовъ. Но верхъ искусства въ этомъ отношеніи составляетъ сопоставленіе идіотизмовъ и, какъ бы, капризовъ русскаго и французскаго языковъ, выразившихся въ фразахъ, недоступныхъ для грамматическихъ переводовъ. Здѣсь нужно было главнымъ образомъ схватить своеобразность, игру мысли одного народа и передать ее соотвѣтствующими своеобразностью и игрою мысли другаго народа: поговорку-поговоркою, пословицу-пословицею, намекомъ-намекомъ. Для этого нужно быть знакомымъ съ характеромъ, исторіею и всею мудростію двухъ народовъ. Сравнительное сопоставленіе мысли французской и русской, такъ сказать, помимо языка, дѣлаетъ словарь г. Макарова не только пособіемъ къ изученію двухъ языковъ, но книгою развивающею и даже интересною для чтенія.

Въ концѣ своего замѣчательнаго труда г. Макаровъ помѣстилъ словари: историческій, миеологическій и словарь именъ, даваемыхъ при крещеніи. Такъ какъ русская номенклатура этихъ отдѣловъ часто значительно разнится отъ французской, то нельзя не признать бо льшой пользы отъ этихъ прибавленій къ французско-русскому словарю г. Макарова.

На основаніи всѣхъ вышеуказанныхъ достоинствъ французско-русскаго словаря г. Макарова справедливость требуетъ признать его необходимымъ и вполне удовлетвори-тельнымъ пособіемъ для изученія французскаго языка въ семинаріяхъ, и рекомендовать пріобрѣтеніе его въ учебныя бібліотеки сихъ заведеній, даже и въ томъ случаѣ, когда въ нихъ есть уже другіе французскіе словари, для которыхъ словарь г. Макарова можетъ служить исправленіемъ и дополненіемъ.

Октября 21. О допущеніи къ употребленію въ духовныхъ училищахъ составленныхъ В. Водовозовымъ книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ и книги для учителей.

Св. Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ журналъ учебнаго комитета, коимъ заключено допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, воскресныхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ и въ школахъ церковно-приходскихъ: а) «книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ» В. Водовозова, въ качествѣ руководства при обученіи родному языку и б) «книгу для учителей» того же автора, какъ полезное дидактическое руководство при употребленіи означенной книги для первоначальнаго чтенія и вообще при преподаваніи отечественнаго языка, съ тѣмъ, чтобы при новомъ изданіи этихъ книгъ сдѣланы были авторомъ указанныя въ журналѣ комитета исправленія. Приказали: Заключение учебнаго комитета утвердить и, для объявленія подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства въ епархіяхъ, препроводить въ копіи при печатныхъ указахъ епархіал. преосвященнымъ самый журналъ комитета.

Журналъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

О составленныхъ В. Водовозовымъ книгъ для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ и книгъ для учителей (1871 года. С.-Петербургъ).

Составленіе книги для первоначальнаго чтенія въ элементарныхъ школахъ, не смотря на кажущуюся простоту дѣла, представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ труднѣйшихъ дидактическихъ задачъ. Вопросъ о книгѣ для первоначальнаго чтенія въ настоящее время нельзя считать рѣшеннымъ не только у насъ, но даже и въ заграничной литературѣ; доселѣ объ этомъ вопросѣ высказываются педагогами столь разнорѣчивыя мнѣнія, что даже и согласить ихъ нѣтъ возможности, ибо они взаимно другъ дру-

га отрицають. Они хотѣли бы сдѣлать изъ книги для чтенія просто сборникъ любопытныхъ свѣдѣній изъ разныхъ областей человѣческаго знанія, имѣя въ виду одну занимательность книги; другіе наполняютъ книгу для чтенія исключительно поучительными рассказами, преслѣдуя цѣли нравственно-религіознаго воспитанія, третьи въ книгѣ для чтенія хотѣли бы распространять идеи національныя и племенные, нѣкоторые же ждали бы представить книгу для чтенія сборникомъ памятниковъ историческаго развитія роднаго языка, иные желали бы сдѣлать изъ нея справочную книгу хозяйственныхъ рецептовъ; но въ то время, какъ одни, съ крайней односторонностью преслѣдуютъ въ книгѣ для чтенія чисто-реальныя цѣли, — другіе, съ такою же односторонностью, ставятъ ей исключительно-формальныя задачи языкоученія и т. д. Только въ послѣднее время изъ указанныхъ крайностей и противорѣчій сталъ выработываться примиряющій средній взглядъ на книгу для чтенія, представителями котораго служатъ Керъ, Любенъ, Келльнеръ и отчасти Дистервегъ. Взглядъ этотъ представляется наиболѣе разумнымъ. Сущность его заключается въ томъ, что книга для чтенія должна соединять въ себѣ *формальную* цѣль изученія роднаго языка и общаго развитія учащагося, и *реальную* — сообщить ему элементарныя, доступныя дѣтскому возрасту, свѣдѣнія изъ окружающей природы и жизни. Какъ *книга для чтенія*, она прежде всего должна имѣть прямое отношеніе къ развитію искусства *читать*; въ то же время изъ нея ученикъ долженъ позаимствовать и усвоить себѣ самыя необходимыя формы *роднаго языка*, познакомиться, какъ съ формальной стороною его, такъ и съ содержаніемъ словъ и предложеній, пріобрѣтая въ то же время практической навыкъ излагать устно и письменно свои мысли. Въ этомъ смыслѣ книга для чтенія служить какъ бы *практической* элементарной грамматикой роднаго языка, руководствомъ для упражненія въ правописаніи, устномъ и письменномъ выраженіи мыслей. Матеріаломъ для этихъ цѣлей, какъ сказано, служатъ элементарныя, общедоступно-изложенныя свѣдѣнія изъ окружающей природы и жизни, которыя, сами по себѣ составляя *полезный запасъ знаній* для дѣтяти, въ то же время пробуждаютъ его мысль, возбуж-

даютъ любознательность, изоощряютъ вниманіе и наблюдательность его взгляда на все окружающее и пр. Удачное соединеніе этихъ цѣлей, конечно, не легко, но потому-то и заслуживаетъ полнаго вниманія всякая добросовѣстная попытка въ этомъ направленіи. Вотъ почему Дистервергъ говорить, что «появленіе новой книги для чтенія есть *событіе* въ педагогическомъ мірѣ, а всякая хорошая книга для чтенія есть мирное завоеваніе въ области человѣческой культуры.» Изъ приведеннаго взгляда также очевидно, что трудъ обработки дѣльной книги для чтенія распадается на *двѣ* одинаково важныя задачи: а) нужно цѣлесообразно *составить самую книгу*, какъ матеріаль для чтенія и в) дидактически обработать способъ примѣненія ея въ школѣ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что лучшіе опыты въ этомъ родѣ представляютъ непременно двѣ части: книгу для чтенія учащихся и дидактическое къ ней руководство для учителей. Авторъ разбираемыхъ книгъ примыкаетъ къ изложенному выше взгляду на книгу для чтенія, чѣмъ обусловливались и достоинства его труда, нынѣ уже всѣми оцѣненнаго. Несмотря на недавнее появленіе, трудъ г. Водовозова пріобрѣлъ уже себѣ почтенную извѣстность; такъ, книга его одобрена ученымъ комитетомъ министерства народ. просвѣщ., удостоена преміи отъ с.-петербургскаго педагогическаго общества и почетной медали отъ с.-петербургскаго комитета грамотности. Конечно, трудъ г. Водовозова не безъ недостатковъ и промаховъ, но, вообще говоря, онъ обработанъ вполне добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и представляетъ едва ли не лучшій опытъ въ этомъ родѣ изъ имѣвшихся у насъ книгъ для чтенія до сего времени, что можно видѣть изъ разсмотрѣнія обѣихъ частей труда г. Водовозова.

I. *Книга для чтенія учащихся по содержанію* своему весьма разнобразна. Составъ ея слагается изъ многочисленныхъ статей, стихотворныхъ и прозаическихъ, частію заимствованныхъ, частію написанныхъ составителемъ. Всѣ статьи книги можно, по содержанію, раздѣлить на IX отдѣловъ: къ 1-му принадлежатъ рассказы (всѣхъ 14) съ цѣлію первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ окружающими ихъ предметами, каковы: классъ, хага, дворъ, ого-

родъ, звѣри и человѣкъ, деревья и травы, камень и желѣзо, воздухъ, вода; къ II-му отдѣлу относятся рассказы (отъ 15-го до 42-го,) предметъ коихъ заимствованъ изъ естественной исторіи и физики, именно: описательные рассказы о животныхъ, насѣкомыхъ, деревьяхъ и травахъ, металахъ и проч., а также о простѣйшихъ и обыденныхъ физическихъ явленіяхъ. Въ III-мъ отдѣлѣ помѣщаются описанія отечественныхъ мѣстностей и промысловъ, статьи (отъ 43-й до 61-й) географическаго характера; въ IV-мъ отдѣлѣ (отъ 62-й до 75-й) статьи, касающіяся разнаго рода производствъ, обработки различныхъ продуктовъ и т. п.; V-й отдѣлъ посвященъ рассказамъ изъ древней русской жизни (6 рассказовъ); VI-й — рассказъ общаго содержанія, каковы: повѣсти, описанія, игры (отъ 82-й до 100-й); въ VII-мъ — аллегоріи, сказки, былины и пр. (11 рассказовъ); въ VIII-мъ стихотворенія, преимущественно описательнаго характера (всего 40 рассказовъ); наконецъ къ IX-му отдѣлу относятся пословицы и загадки. Всего въ книгѣ помѣщено 157 рассказовъ, занимающихъ 286 стр. И такъ по *содержанію*, книга г. Водовозова отличается полнотою, богатствомъ и разнообразіемъ статей. Правда, что въ изложенномъ распредѣленіи книги на отдѣлы нельзя видѣть строгой системы, но авторъ не держится въ книгѣ изложеннаго порядка, на что онъ имѣетъ свои основанія.

Распредѣленіе учебнаго матеріала сдѣлано авторомъ книги на учебно-дидактическихъ началахъ. Именно, такъ какъ книга для чтенія, по мысли г. Водовозова, сообщая учащимся запасъ интересныхъ и общепользныхъ свѣдѣній, главнымъ образомъ назначается для изученія *роднаго языка*, то онъ и приспособляетъ все содержаніе книги къ тѣмъ упражненіямъ, какія онъ находитъ нужнымъ для сей цѣли и которыя онъ излагаетъ въ руководствѣ для учителей, постепенно, концентрическими кругами, вводя въ обученіе болѣе и болѣе сложные элементы. Такимъ образомъ вся книга у него распадается на 10 *рядовъ* различныхъ *упражнений*, постепенно (концентрически) увеличивающихся, какъ въ самомъ содержаніи, такъ и въ элементарномъ ознакомленіи съ роднымъ языкомъ. Задача такой концентраціи учебнаго матеріала книги для чте-

нія, конечно, сложна и трудна, выполнена она не безъ промаховъ и ошибокъ, но какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, безотносительно, разсматриваемая книга весьма разумно и практически приспособлена къ занятіямъ въ элементарной школѣ. При такомъ расположеніи матеріала книги ученикъ незамѣтно, шагъ за шагомъ подвигается впередъ, какъ въ формальномъ развитіи, такъ и въ пріобрѣтеніи запаса новыхъ познаній. Съ одной стороны, онъ съ каждою новою ступенью расширяетъ свой кругозоръ новыми свѣдѣніями, съ другой, также постепенно пріобрѣтаетъ болѣе обширное и подробное ознакомленіе съ формами роднаго языка, съ правописаніемъ, пріучаясь въ тоже время, на практическихъ упражненіяхъ, къ самостоятельному изложенію мыслей устно и письменно. Такъ какъ эта идея проведена составителемъ чрезъ всю книгу, то послѣдняя поэтому представляетъ довольно полный, связный курсъ элементарной грамматики роднаго языка, расположенный въ педагогической послѣдовательности, съ соблюденіемъ перехода отъ легкаго къ болѣе трудному; слѣдовательно, курсъ для начальнаго школьнаго преподаванія очень удобный. При этомъ составитель даже и въ отношеніи шрифта соблюлъ послѣдовательность. Имѣя въ виду, что книга назначается для первоначальнаго чтенія, онъ весь первый рядъ упражненій напечаталъ крупнымъ шрифтомъ, что нельзя не одобрить. Затѣмъ, что касается достоинства *выбора* и *изложенія* статей книги для чтенія, то весь запасъ ихъ можно раздѣлить на три категоріи въ этомъ отношеніи: а) статьи *вполнѣ удовлетворительныя*, в) *меньше удавшіяся* и с) *неудачныя*. *Неудачныхъ* статей въ книгѣ г. Водозова сравнительно очень немного. Къ такимъ статьямъ принадлежитъ *первая* „Ваня въ классѣ“. Въ статьѣ этой ни мысли, ни цѣли, ни даже картины нѣтъ. Озябшій Ваня написалъ „*пресмѣшную* каракульку“ вотъ и все ея *содержаніе*, нисколько не замысловатое, ни интересное и даже не смѣшное. Конечно, авторъ допустилъ этотъ «разсказъ», имѣя въ виду, чтобы дѣти, при первомъ чтеніи, поняли каждое слово въ разсказѣ, какъ онъ говоритъ, но лучше было бы для этой цѣли написать простенькую же статью о томъ, „Что Ваня дѣ-

лалъ въ первый день въ школѣ“, или „Что есть въ школѣ“, или „Чѣмъ въ школѣ ученики занимаются“ и т. п. Затѣмъ представляется неудачно выбраннымъ отрывокъ изъ сказки Пушкина „о царѣ Салтанѣ“, — какъ царица съ сыномъ плавала въ бочкѣ.“ Отрывокъ самъ по себѣ не законченъ; содержаніе имѣетъ фантастическое; связи съ предыдущимъ, да и вообще смысла, въ немъ нѣтъ. Другой отрывокъ изъ той же сказки „Корабельщики“ гораздо удачнѣе; въ немъ, по крайней уѣрѣ, есть картина и довольно цѣльная, — описаніе ѣзды по морю торговыхъ людей, притомъ же и фантастическій элементъ изъ нея устраненъ. Языкъ обоихъ отрывковъ легокъ, это смѣлый и бойкій стихъ, которымъ такъ мастерски владѣлъ Пушкинъ. Затѣмъ къ неудачнымъ же слѣдуетъ отнести ст. „Два мужика“, представляющую совершенно безцѣльное вранье. Разсказъ не великъ (это его единственное достоинство). Повстрѣчались два мужика „здорово, братъ!“ — Здорово .. Откуда ты? „изъ Ростова“. Не слыхалъ ли чего новаго? „Не слыхалъ“. Говорятъ, Ростовскую мельницу сорвало? — „Нѣтъ, мельница стоитъ, жернова по водѣ плаваютъ, на нихъ собака сидитъ, хвостъ согнувши, — повизгиваетъ, да муку полизываетъ... „А ростовскаго медвѣдя видѣлъ?“ — Видѣлъ. — „Каковъ?“ — Сѣрый. — „Не бредь, это волкъ.“ — У насъ волкъ по лѣсу побѣгиваетъ, ушами подергиваетъ. — „Это заяцъ“. — У насъ заяцъ на дубу сидитъ, да покаркиваетъ. — „Это ворона“. — Ворона у насъ мычитъ: му му! — „Это корова“. — Прощай, по добру, по здорову. — Вотъ и вся „сказка“. Въ объясненіи на эту статью въ книгѣ для учителей авторъ спрашиваетъ: „О дѣлѣ толкуютъ мужики?“ Нѣтъ, безъ дѣла, чтобъ о чемъ нибудь толковать. При этомъ онъ объясняетъ, что-де ростовцы изстари врать горазды, что про нихъ и пословица есть: „У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-ти все коневій.“ Все это „не любо-не слушай“, кажется, мало можетъ имѣть образовательнаго смысла и педагогическаго характера. Конечно, авторъ осмыслиетъ нѣсколько статью съ отрицательной стороны тѣмъ, что заставляетъ дѣтей подумать, можетъ ли жерновъ плавать и пр., и задаетъ имъ „подобрать нѣсколько примѣровъ на то, что дѣлаетъ и чего не дѣ-

лаеть собака, медвѣдь, волкъ, заяць, ворона, корова“,— но для этой цѣли, казалось бы, лучше взять болѣе цѣлесообразную тему. Приведенный разсказъ не можетъ служить и для характеристики русской жизни, хотя онъ, быть можетъ, и вышелъ изъ устъ народа.

Затѣмъ, вполне неудачна сказка „Морозко“ (стр. 30—31.) Въ сказкѣ старикъ, какъ старый „дуракъ“, по приказанію мачихи, везетъ выдавать замужъ за Морозко дочь свою въ боръ къ большой соснѣ, откуда она возвращается съ подарками отъ жениха, а посланная за тѣмъ дочь старухи (хотя она и называется „злая и балованная“, но изъ разсказа это не видно) замерзаетъ. Къ этой сказкѣ авторъ старается примѣнить мораль, что „слѣдуетъ награждать лишь добраго человѣка за его добро, а не того, кто дѣлаетъ что-нибудь (?) изъ одной корысти“ (кн. для учит. стр. 40), но мораль съ разсказомъ плохо вяжется и сказка вообще не производитъ никакого живаго и цѣльнаго впечатлѣнія.

Не замысловата и статья «Игра въ деревяшки» (стр. 31), совсѣмъ не занимательная для дѣтей. Сказка «Лиса, волкъ и медвѣдь» плохо обработана. Въ ней, между прочимъ, для чего-то выставлены «поповы дочки», которыя «забили волка палками и шкуру съ него сняли себѣ на шубу, а лиса, якобы, «*изо лба (sic)* кишечки таскаетъ, да и кушаетъ» (стр. 82). Послѣднюю часть этой сказки совсѣмъ бы слѣдовало выбросить. Что же касается до выдержки изъ поэмы Никитина «Кулакъ» «Какъ воспитывался Лукичъ», то въ ней слишкомъ много жизненной грязи, чтобы вносить ее въ книгу для дѣтскаго чтенія. Разсказъ простъ и живъ, но его нельзя назвать педагогическимъ. Отець-пьяница и торгашъ, бьетъ своего сына; сынъ плутуетъ, обманываетъ отца, воруетъ съ дѣтства, свертываетъ головы грачамъ, бьетъ ни въ чемъ неповинныхъ сотоварищей и дѣлается «кулакомъ»: что вынесетъ изъ этой темной картины учащійся? Цѣль внесенія этого разсказа въ книгу для чтенія, сколько можно судить изъ объясненій составителя ея, была—показать, что такое *характеръ* въ человѣкѣ и при какихъ условіяхъ онъ слагается (стр. 133, Кн. для учит.), въ частности—какъ вообще развиваются люди, называемые «ку-

лаками». Катихизация стихотворения, сдѣланная весьма удачно (въ книгѣ для учителей), наглядно раскрываетъ эту тему. Учебный комитетъ полагаетъ, что не безопасно и во всякомъ случаѣ преждевременно вводить молодыхъ натуры въ грязь жизни, знакомить ихъ съ тѣми гадостями и пороками, которые составляютъ большое мѣсто, живую язву общества. Воспитаніе должно идти прежде всего въ *положительномъ* направленіи, оно должно создавать нравственную личность дитяти, увлекать молодыхъ натуры примѣрами разумной, честной жизни. Вводить въ область воспитанія примѣры нравственной грязи и разврата, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе, такъ же справедливо и цѣлесообразно, какъ заставлять Илотовъ напиваться до безчувствія и безобразія, въ видахъ отученія юныхъ гражданъ отъ пьянства. Забываютъ одно, что при этомъ глубоко унижается человѣческая личность. Впрочемъ, система отрицательнаго воспитанія до того очевидна въ своей несостоятельности, что излишне останавливаться на ея опроверженіи. Къ числу неудачныхъ статей относится и отрывокъ изъ «Бѣжина луга» Тургенева «Тришка». Онъ очень живъ и отчасти забавенъ, но чрезъ-мѣру переполненъ выраженіями въ родѣ: *хоша, напередки, дескать, предвидѣнье, откелева, зачнется* (вм. начнется) и т. п. (стр. 257—258). Книга для чтенія должна приучать дѣтей къ языку правильному, общерусскому. Впрочемъ и въ самомъ рассказѣ замѣтно преувеличеніе, а въ картинахъ аффектація, искусственная густота красокъ. «Стряпуха-де, въ ожиданіи «Тришки», всѣ горшки ухватомъ перебила: кому теперь ѣсть, говоритъ, наступило свѣтопреставленіе». Такъ «*шти*» и потекли. Староста въ канаву залѣзъ; старостиха въ *подворотнѣ* (sic) застряла, благимъ матомъ кричитъ, собаку цѣпную *запужала*; Кузькинъ отецъ, Дорофейчъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перпеломъ: *таково-то* всѣ переполошились». Все это очень преувеличено и неестественно, рассчитано на грубый эффектъ. Наконецъ въ отдѣлѣ *пословицъ* и *загадокъ* тоже нѣкоторыя неполнѣ удачно выбраны. Напр., на стр. 22-й помещена плоская канцелярская острота: «гдѣ чихнуть пришлось — запятая, гдѣ икнулось — двоеточіе, а гдѣ табаку понюхать — точка», — съ какою

цѣлью? Тамъ же: «Курица иноходица пса излагала»: невразумительно. Присказка: «Здорово, кума!» Да, на рынкѣ была.—Никакъ глуха?—Купила пѣтуха.—Прощай, кума. «Пять алтынъ дала», представляется нимало не остроумной; если она и заставитъ дѣтей смѣяться, то смѣхъ этотъ нельзя назвать хорошимъ. На стр. 51-й бросается въ глаза выраженіе: Эхъ, Пахомъ! Борода-то у тебя съ ворота, а ума съ привалитокъ. Правду говоритъ пословица, что «*мужикъ и дешево* (sic) отъ того, что глупъ».

Къ категоріи статей, хотя хорошихъ, но сравнительно *меньше удавшихся*, слѣдуетъ отнести 1) рассказъ «Антоша», слабоватый по концепціи, съ подкладкою поучительнаго характера, искусственный, а потому и не живой; 2) «Тѣлжка» — также не вполне удачный по концепціи и мало интересный въ чтеніи по содержанію; 3) ст. «Соня и Коля», изъ которой естественнѣе всего было бы вывести нравственную истину: «живи въ мирѣ и — медвѣдей не бойся». Затѣмъ къ не вполне удачнымъ статьямъ слѣдуетъ отнести и ботаническія бесѣды, какова 4-я: «Части растенія и его оплодотвореніе» (стр. 155), гдѣ дается матеріала слишкомъ много и изложенъ онъ довольно сухо и схематически. Тѣмъ же характеромъ отличаются статьи по географіи: 5) «Сѣверная полоса» (стр. 220) 6) «Средняя полоса» (стр. 225) 7) «Южная полоса Россіи и Сибирь». Во всѣхъ этихъ статьяхъ, довольно ограниченныхъ по объему, дано слишкомъ много матеріала, названій областей, городовъ и мѣстностей, вообще географической номенклатуры. Правда, что авторъ употребляетъ при этомъ весьма дѣльный пріемъ, именно, онъ какъ бы совершаетъ поѣздку съ своими читателями; но путь выходитъ слишкомъ длиненъ, а масса встрѣчающихся предметовъ до того велика, что утомляетъ читателя и дѣлаетъ затруднительнымъ ея усвоеніе. Не совсемъ удачною представляется наконецъ 8) статья «Ломоносовъ», особенно судя по предмету ея, интересному, живому и поучительному; статья не то, чтобы вполне неудачна, но какъ-то суха и не производитъ надлежащаго впечатлѣнія на читателя. По заглавію можно бы ожидать лучшей.

Для полноты усмотрѣнныхъ въ книгѣ г. Водовозова недостатковъ Комитетъ считаетъ не излишнимъ здѣсь же указать и нѣкоторые частные промахи въ статьяхъ даже

очень хорошихъ, въ отношеніи словъ, выражений, а иногда и мыслей. На стр. 15: «*Сыпте* (вм. сѣйте) въ ниву зерно». Стр. 25: лошадка «*все больше молча глядитъ, да смѣкаетъ*». Почему знать, что лошадка смѣкаетъ! Хотя языкъ составителя вообще чистъ, но встрѣчаются иногда выраженія *нутка*, *таково-ловко* (стр. 25), *вишь какой холодище* (вм. сильный холодъ); *вьдовское слово*, *безмѣтница* (стр. 147), *картошки* (стр. 3) и т. п.; стр. 97 *плясать* вм. прыгать (отъ радости); стр. 119 *крутые* (вм. сильные) морозы; на стр. 81 *ускочила* вм. выскочила; стр. 121 *летающія* (вм. летучія) вещества, стр. 122: «*кожу, только-что стянутую* (вм. снятую) съ животнаго»... стр. 141 *словите* вм. поймите; стр. 160: «*у клена два большія крылья* (вм. два большія крыла); стр. 167,—врачебныя травы употребляются «*и отъ желудка*», вм. въ желудочныхъ болѣзняхъ. Стр. 200 *люлька* (малор.) вм. труба. Встрѣчаются, хотя и рѣдко, слова старинныя и мѣстныя напр., *оветъ* (стр. 33), въ пословицахъ: *позаочью*, *съ нужу* и т. п. Вотъ еще нѣкоторые промахи и недосмотры. На стр. 99: Черное море похоже на *башмакъ*, закругленный сзади»,—сравненіе это хотя и наглядно, но некрасиво и не совсѣмъ вѣрно. Тоже нужно сказать и о сравненіи Каспійскаго моря «*съ конемъ, что сталъ на дыбы*» (ibid). Стр. 102 «*На костяхъ* (sic) *курицы воткнуты* перья, составляющіе крыло». Не прямо же «*на костяхъ*» перья воткнуты. На стр. 104: «*всталъ онъ* (дятель), *крѣпко уцѣпился* (опущено: за что?), *уперся хвостомъ въ стволъ*». Стр. 109: «*соловей поетъ лучшія пѣсни свои*, чтобы повеселить самку, когда она высидиваетъ птенцовъ», точно у соловья есть сборникъ пѣсенъ, изъ котораго онъ повременамъ выбираетъ лучшія. Соловей, конечно, можетъ пѣть иногда хуже, иногда лучше, но поетъ, *всегда какъ поется*. Тамъ же: «*Тѣ* (птицы), *что хорошо поютъ, исполняютъ это дѣло съ толкомъ и увлеченіемъ*»,—такъ можно бы выразиться объ оперномъ пѣвцѣ, вообще о пѣніи человѣческомъ. На стр. 113: земля отдала назадъ съ излишкомъ, что ей довѣрено «*какъ будто* (зная?)»; что бѣдному человѣку нужно и прокормиться и на посѣвъ зерна. Стр. 118: «*Ива часто отличается большою мягкостію?* Ива отличается особенно *хрупкостію*; гибокъ лоз-

никъ. Стр. 134: «Земля на западъ отъ насъ, гдѣ живутъ нѣмцы, французы, англичане, называется *Европою*, а къ востоку, за ураломъ и Каспійскимъ моремъ, идетъ Азія». И такъ, мы живемъ *не въ Европѣ*, потому что Европа начинается только *на западъ отъ насъ*... Стр. 168: «На фабрикахъ употребляютъ станокъ *Жокара*, устроенный *такъ (?)*, что на немъ можно ткать всякіе узоры» Фраза эта о предметѣ не даетъ ровно никакого представленія; такихъ фразъ лучше было бы избѣгать. Нѣкоторыя объясненія автора едва ли будутъ дѣтямъ доступны, потому что въ нихъ входятъ неизвѣстные имъ элементы. Напр. стран. 250: «Особую породу *глинистаго сланца* составляетъ *шиферъ*, въ немъ глина смѣшана съ кварцомъ, желѣзомъ и углемъ». Или: поташъ есть соединеніе особаго минерала «кали» съ углекислою (стр. 287). Селитра состоитъ изъ селитрянной кислоты и минерала кали (стр. 254) и т. п. Встрѣчаются невѣрности. Стр. 173: до Петра русскіе не знали никакихъ наукъ, «*и только върили лѣшмъ, да вѣдьмамъ*». Сказано слишкомъ много; *только* здѣсь совершенно неумѣстно. На стр. 192: «птицы *оплодотворили* почву», — правильнѣе было бы сказать *удобрили*. На стр. 201 приведенные про малороссовъ два анекдота неудачны и не характеристичны; ихъ нужно бы опустить. На стр. 204: «Все, что выкапываютъ изъ земли, что *не движается* какъ животное, *не растетъ* какъ трава, кустъ или дерево, называютъ веществомъ ископаемымъ, или минераломъ». А напр., вырываются изъ земли кости мамонта? Да и вообще отрицательныя опредѣленія въ школѣ неудобны, ибо говоря о томъ, что предметъ *не есть*, они ничего не говорятъ о томъ *что есть* предметъ, слѣд., никакого опредѣленнаго содержанія не заключаютъ въ себѣ. На стр. 240 говоря, что весною лучи солнца *прямо* падаютъ на землю и отъ того дѣлается теплѣе, авторъ хочетъ пояснить это такимъ примѣромъ: «Держи руку прямо надъ свѣчкой, обожжешься; а поднеси ее со стороны, *сбоку*, будетъ не такъ жарко, потому что лучи падаютъ *вкось*». Примѣръ этотъ совершенно не отвѣчаетъ дѣлу и никуда не годится. На стр. 39, говоря о томъ, что у коровы 4 желудка, авторъ замѣчаетъ: «Да и то сказать: нужно

впрямъ имѣть четыре желудка *чтобы питаться одною травою*». Но лошадь травоядное животное, питается травою, хотя и не имѣетъ 4-хъ желудковъ». Наконецъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыя типографскія ошибки, которыхъ въ книгѣ для чтенія вообще желательно было бы избѣгать. На стр. 2-й слитно напечатано *глянулахо-зайка*; *чрепанія* вм. черпанія; стр. 36, 75 и 80 *неискустно*; стр. 80 *пасаться* вм. опасаться (о выпало); стр. 102: *кости* вм. когти.; стр. 116 *кленъ* вм. клена; стр. 122: *воловои* вм. воловій товаръ; *юфтъ* вм. юфть; *мяздры* вм. мездры; стр. 130 *пэлу* вм. поль; стр. 140 *Полтаса* вм. Полтава; стр. 193, *протечный* вм. проточный; стр. 232: *боларе* вм. болгары; стр. 236: *мамонтововую* вм. мамонтову, стр. 265 *ладунъ* вм. латунъ. И такъ, на 157 статей разсматриваемой книги для чтенія приходится 10 рассказовъ неудачныхъ, 8 не вполне удачныхъ.

Изложивъ обстоятельно усмотрѣнные промахи и недостатки въ книгѣ г. Водовозова, Комитетъ считаетъ нужнымъ указать и тѣ ея достоинства, которыя бесспорно разсматриваемому труду даютъ право на почетное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ. Выше сказано уже было о богатствѣ и разнообразіи содержанія книги; въ этомъ отношеніи она удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Далѣе, идея расположенія учебнаго материала книги, при нѣкоторыхъ недостаткахъ выполненія, представляется оригинальною и вполне педагогическою. Остается сказать о выборѣ остальныхъ 130-ти статей, характерѣ ихъ обработки и ихъ языкѣ. Статьи эти выбраны съ педагогическимъ тактомъ; составитель вообще избѣгалъ мало-содержательныхъ, отвлеченно-поучительныхъ рассказовъ, а равно и сообщенія отрывочныхъ свѣдѣній, излагаемыхъ, какъ это обыкновенно бываетъ, безсвязно, безцѣльно, сухо. Начиная вообще знакомить дѣтей съ окружающимъ міромъ, онъ постепенно расширяетъ дѣтскій кругозоръ, переходя къ связнымъ рассказамъ о животныхъ, о растеніяхъ, о разнообразныхъ явленіяхъ природы и жизни. При этомъ, не ограничиваясь составленіемъ собственныхъ статей, вообще мастерски обработанныхъ, составитель даетъ прекрасный выборъ стихотвореній вполне доступныхъ дѣтскому возрасту содержательныхъ и потому могущихъ служить къ развитію не

только вкуса, но и разумнаго нравственнаго чувства. Благодаря внутренней связи рассказовъ, предъ дѣтьми не замѣтно выясняется связь явленій природы; изучая, въ живыхъ и полныхъ интереса рассказахъ, трудъ человѣка, учащійся начинаетъ понимать достоинство и цѣль честнаго труда въ жизни; въ этомъ отношеніи авторъ, по его словамъ, преслѣдовалъ ту мысль, «чтобъ учащійся хотя въ общихъ чертахъ созналъ ту истину, что честный трудъ служитъ средствомъ не только ко всякому улучшенію въ жизни, но и къ соединенію людей въ духѣ прямой христіанской любви». Дѣти должны научиться искренно служить другъ другу и считать это за счастье. Задаваясь этой цѣлью, авторъ нигдѣ не высказываетъ ее въ видѣ сентенцій, морали, требованія, но мысль эта сквозитъ въ его рассказахъ, проникаетъ и согрѣваетъ духомъ животворной любви тѣ факты и явленія жизни, которые могутъ послужить орудіемъ для развитія въ дѣтяхъ братскаго между ними чувства и любви къ труду. Въ этомъ случаѣ составитель книги обнаружилъ рѣдкій педагогическій тактъ. Далѣе, хотя нѣкоторые изъ рассказовъ онъ направляетъ противъ суевѣрія и предрасудковъ, но, не вступая въ тонъ проповѣдника и обличителя, онъ предоставляетъ учить самимъ фактамъ, вполне справедливо заявляя, что «уничтоженіе суевѣрій болѣе достигается общимъ развитіемъ, чѣмъ отдѣльными объ нихъ толкованіями» (введ. стр. IV). Составитель не гоняется за тою узкою и грубою утилитарностью, которую въ наше время иные педагоги желали бы сдѣлать альфой и омегой начальнаго образованія; онъ не даетъ поученій, наставленій, рецептовъ; тѣмъ не менѣе книга его проникнута вся живой идеей практической пользы, тою силой, которая одна устроиваетъ и создаетъ нашу жизнь. Г-нъ Водовозовъ не говоритъ прямо: «береги лѣсъ»; но онъ такъ живо и картинно описываетъ всю пользу и важность лѣса въ хозяйствѣ, что даже ребенокъ самъ пойметъ, что лѣсъ нужно беречь. Такія статьи и такой приемъ, не имѣя, по видимому, цѣли поучать, въ сущности наставляютъ гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ тѣ статьи, которыя имѣютъ прямою цѣлью учить. Наставленія, даже самыя лучшія, были и будутъ *понятіями*, а живое изображеніе предмета, дѣйствуя прямо на чувства, воз-

буждает самостоятельную мысль читателя, рождает въ немъ *убѣжденіе*; понятіе отвлеченно, оно остается въ головѣ и выходитъ за порогъ школы; а *убѣжденіе* живо, конкретно и прямо идетъ въ жизнь. При этомъ авторъ не дѣлаетъ приспособленія своей книги, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, къ той или другой сельской школѣ, къ школѣ того или другаго училищнаго округа, но онъ имѣлъ въ виду элементарное образованіе и *начальную школу вообще*, вслѣдствіе чего книга его примѣнима дѣйствительно ко всякой народной школѣ. Особенно выдающуюся и вполне общеобразовательную черту книги г. Водовозова составляетъ неподдѣльная любовь къ природѣ, которая проникаетъ всю книгу и сообщаетъ ей привлекательный колоритъ.

(Окончаніе будетъ.)

Января 14.—Съ препровожденіемъ Высочайшаго Манифеста о совершившемся бракосочетаніи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ съ Его Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Алфредомъ-Эрнестомъ-Албертомъ Великобританскимъ, Герцогомъ Единбургскимъ.

Св. Синодъ слушали, *во первыхъ*, сообщенный при вѣдѣніи Правительствующаго Сената печатный экземпляръ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифеста, состоявшагося въ 11-й день текущаго января, о совершившемся сего же числа бракосочетаніи Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княжны МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ съ Его Королевскимъ Высочествомъ принцемъ Алфредомъ-Эрнестомъ-Албертомъ великобританскимъ, герцогомъ Единбургскимъ, и, *во вторыхъ*, предложенную г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Высочайше утвержденную по сему случаю новую форму возношенія на эктеніяхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи. Приказали: О всерадостномъ торжествѣ благополучно совершившагося бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества, го-

сударыни великой княжны **МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ** съ Его Королевским Высочествомъ принцемъ **Алфредомъ-Эрнестомъ-Албертомъ** великобританскимъ, герцогомъ эдинбургскимъ, объявивъ указами московской и грузино-имеритинской Св. снуда конторамъ, снудальнымъ членамъ и прочимъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, главнымъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ, а также ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ, предписать имъ: по предварительномъ сношеніи съ гражданскими начальствами, прочтя во всѣхъ городскихъ соборныхъ и приходскихъ церквяхъ, въ первый день по полученіи сихъ указовъ, а въ сельскихъ и монастырскихъ въ первый же воскресный или праздничный день, Высочайшій Манифестъ предъ литургіею, отправить торжественно благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и трехъ-дневнымъ звономъ (кромѣ тѣхъ церквей, гдѣ таковое уже совершено по особому распоряженію), и какъ при семъ случаѣ такъ и впредь, во всѣхъ священнодѣйствіяхъ на эктеніяхъ и другихъ, гдѣ слѣдуетъ, мѣстахъ, при возношеніи Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи, провозглашать, согласно съ Высочайше утвержденною новою формою, послѣ именъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, великихъ князей: **Николая, Михаила, Георгія, Александра и Сергія Михайловичей**, такъ: о благовѣрныхъ государыняхъ: великой княгинѣ **МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНѢ** и о Супругѣ Ея.... На сей конецъ препроводить, при посылаемыхъ указахъ, потребное количество экземпляровъ Высочайшаго манифеста и упомянутой Высочайше утвержденной формы; сей же формы отослать одинъ экземпляръ въ правительствующій сенатъ при вѣдѣніи.

II. УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ. (*)

57) Отъ лицъ нерусскаго происхожденія, обучавшихся въ народныхъ школахъ или такихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ преподаваніе русскаго языка необязательно, для предоставленія имъ права на сокращенные сроки службы по образованію (ст. 56), требуется, кромѣ знанія училищныхъ курсовъ, умѣнье бѣгло и со смысломъ читать и четко писать по русски. Удостоверенія въ семь могутъ быть выдаваемы педагогическими совѣтами всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго пресвѣщенія.

58) Въ случаѣ поступленія въ войска по жеребью, лица, означенныя въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ статьи 56 (за исключеніемъ медиковъ, ветеринаровъ и фармацевтовъ, отбывающихъ воинскую повинность въ званіяхъ, соотвѣствующихъ ихъ спеціальности), назначаются въ нестроевыя должности и команды не иначе, какъ съ ихъ согласія. Тѣ же изъ означенныхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзненнаго разстройства, не будутъ въ состояніи отбывать службу въ строю, освобождаются вовсе отъ службы.

59) Лицамъ, указаннымъ въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ статьи 56-й, предоставляется: 1) поступать въ войска по окончаніи курса или выдержаніи испытанія, не ожидая времени, назначеннаго для производства призывовъ (ст. 14); срокъ службы ихъ въ семь случаѣ исчисляется по правилу, означенному въ пунктѣ б статьи 19-й; 2) поступать въ тѣ или другія части войскъ, по ихъ избранію, съ тѣмъ, однако, чтобъ общее число такихъ лицъ въ каждой части войскъ не превышало нормы, устанавливаемой военнымъ министерствомъ.

60 Изъ лицъ, подлежащихъ призыву, въ мѣстностяхъ, назначенныхъ для комплектованія флота (ст. 15-я, п. 1-й и ст. 16-я), молодые люди, указанные въ пунктахъ 1, 2 и 3-мъ ст. 56-й, за исключеніемъ лишь окончившихъ курсъ въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не опредѣляются на службу во флотъ безъ собственнаго на то желанія, а обращаются въ сухопутныя войска. Означенныя лица, при поступленіи по желанію ихъ во флотъ, обязаны, прослу-

(*) Продолженіе.—См. № 2.

жить *три года* на дѣйствительной службѣ и *семь лѣтъ* въ запасѣ.

61) Для поступающихъ по жеребью во флотъ нижеуказанныхъ лицъ, опредѣляются слѣдующіе сроки службъ: 1) приобрѣвшіе по экзамену званіе шкипера дальняго или каботажнаго плаванія, или же штурмана дальняго плаванія, состоятъ: на дѣйствительной службѣ *два года* и въ запасѣ *восемь лѣтъ*, и 2) приобрѣвшіе по экзамену званіе штурмана каботажнаго плаванія, состоятъ на дѣйствительной службѣ *три года* и въ запасѣ *семь лѣтъ*.

V. Объ изытіяхъ по званію и роду занятій.

62) Освобождаются отъ воинской повинности: 1) священнослужители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и 2) православные псаломщики, окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, или въ духовныхъ училищахъ. Но лица, оставившія мѣсто псаломщика до истеченія *шести лѣтъ* со времени освобожденія по этому мѣсту отъ военной службы, привлекаются къ исполненію воинской повинности, съ обязательствомъ пребыть на дѣйствительной службѣ и въ запасѣ сроки, соответствующіе ихъ образованію; оставшіе же церковнослужительство по истеченіи *шести лѣтъ* зачисляются прямо въ запасъ *до тридцатишестилѣтняго* возраста.

63) Нижеозначенныя лица, если ими вынуть будетъ жеребій, опредѣляющій поступленіе ихъ въ постоянныя войска, освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на *пятнадцать лѣтъ*: 1) имѣющіе степень доктора медицины или лекаря, магистра ветеринарныхъ наукъ или фармаціи, или же ветеринара, если не подлежатъ, по уставамъ заведеній, въ которыхъ получили образованіе, обязательной службѣ въ военномъ вѣдомствѣ; 2) пансіонеры императорской академіи художествъ, отправленные за границу на казенный счетъ для усовершенствованія въ художественномъ образованіи, и 3) преподающіе въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 53-й, такъ и во всѣхъ вообще правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ,

не показанныхъ въ означенномъ приложеніи, тѣ предметы, которые по уставамъ сихъ заведеній положено преподавать, а равно штатные воспитатели и штатные помощники ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или уставы коихъ правительствомъ утверждены. Но, до истеченія шести лѣтъ со времени зачисленія въ запасъ, означенныя лица обязаны ежегодно представлять въ подлежащее о воинской повинности присутствіе уде-стовѣреніе ихъ начальства въ томъ, что они не оставили соотвѣтствующихъ ихъ званію занятій; прекратившія же сіи занятія ранѣе означеннаго времени призываются на дѣйствительную службу на срокъ, соотвѣтствующій ихъ образованію.

(Примѣчаніе. Преподаватели навигаціонныхъ училищъ, если принадлежать къ разряду людей, назначенныхъ для пополненія флота, зачисляются въ запасъ флота на *десятилѣтній* срокъ).

64) Освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ флота на *десятилѣтній* срокъ нижеслѣдующія лица, если ими вынута будетъ жеребій, опредѣляющій поступленіе ихъ на службу: 1) шкиперы и штурманы дальняго или каботажнаго плаванія и инженер-механики, управляющіе судовою машиною, если таковыя лица состоятъ въ соотвѣтствующихъ должностяхъ на мореходныхъ торговыхъ судахъ, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ, и 2) лоцманы и лоцманскіе ученики, имѣющіе по закону право на сіи званія. Но тѣ изъ означенныхъ лицъ (п. 1 и 2), которыя, въ теченіи десятилѣтняго срока, болѣе одной навигаціи не будутъ исполнять обязанностей, званію ихъ соотвѣтствующихъ, призываются на дѣйствительную службу во флотъ на *семилѣтній* срокъ, съ зачетомъ, однако, въ этотъ срокъ времени, проведеннаго въ исполненіи спеціальныхъ обязанностей своего званія.

65) Опредѣленные въ статьѣ 18-й и въ пунктѣ 4-мъ статьи 56-й сроки дѣйствительной службы во флотъ сокращаются, съ увеличеніемъ на соотвѣтствующее число лѣтъ срока состоянія въ запасѣ флота: 1) служившимъ не менѣе двухъ навигацій матросами на судахъ большаго и дальняго плаванія, или машинистами на паровыхъ

судахъ—на два года, и 2) служившимъ не менѣе двухъ навигацій матросами на мореходныхъ малаго плаванія и каботажныхъ судахъ, или кочегарами на паровыхъ судахъ—на одинъ годъ.

66) Служащимъ матросами на мореходныхъ судахъ русскаго торговаго флота, а также машинистами или кочегарами на всякаго рода паровыхъ судахъ сего флота, отсрочивается, въ мирное время, поступленіе на военную службу по жеребью до истеченія срока заключенныхъ ими условій, но, ни въ какомъ случаѣ, не долѣе *двадцатипятилѣтняго* возраста. Время, проведенное сими лицами на судахъ торговаго флота послѣ вынута жеребья и до поступленія на службу, зачитается имъ въ срокъ, опредѣленный для состоянія въ запасѣ флота, по расчету двухъ лѣтъ частной службы за годъ состоянія въ запасѣ флота.

ГЛАВА VII

О составленіи призывныхъ участковъ.

67) Для отправленія воинской повинности учреждаются призывные участки. Въ составъ каждаго участка входитъ или часть уѣзда, или цѣлый уѣздъ.

68) Изъ городовъ съ населеніемъ не менѣе десяти тысячъ мужскихъ душъ составляются отдѣльные участки. Въ случаѣ желанія мѣстныхъ жителей, образованіе отдѣльныхъ участковъ допускается и изъ городовъ менѣе населенныхъ, если въ нихъ имѣется не менѣе пяти тысячъ мужскихъ душъ.

69) Въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской, при образованіи участковъ, за уѣздъ принимается: въ первой—округъ ордунгсгерихта, а во второй—округъ гауптманскаго суда.

70) Округи области войска Донскаго, за исключеніемъ округовъ Міусскаго и Донецкаго, а равно уѣзды областей: Уральской, Кубанской и Терской, составляютъ каждый одинъ призывной участокъ. Земли астраханскаго и оренбургскаго казачьихъ войскъ присоединяются къ призывнымъ ближайшихъ уѣздовъ Астраханской, Саратовской и

Оренбургской губерній. Отступленія отъ сихъ правилъ разрѣшаются, по представленіямъ областныхъ правленій, военнымъ министромъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

71) Размѣръ призывнаго участка опредѣляется: участка сельскаго или смѣшаннаго городскаго и сельскаго населенія—въ предѣлахъ отъ восьми до двадцати тысячъ, а участка исключительно городскаго—отъ пяти до сорока тысячъ душъ мужскаго пола. Города съ населеніемъ свыше сорока тысячъ душъ мужскаго пола могутъ раздѣляться на нѣсколько участковъ.

72) При образованіи призывныхъ участковъ, соблюдаются также слѣдующія правила: 1) Волости ни въ какомъ случаѣ, не раздробляются. 2) Въ области Войска Донскаго, подлежащее общей воинской повинности населеніе, проживающее на станичныхъ земляхъ, приписывается, по отправленію сей повинности, къ ближайшимъ волостямъ. Распредѣленіе для сего станицъ производится областнымъ правленіемъ, по соглашенію съ войсковымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. 3) Въ Сибири сельскіе призывные участки образуются или отдѣльно по волостямъ, или въ составѣ не болѣе трехъ волостей. Къ волостямъ приписываются, для отбыванія воинской повинности, ближайшія отдѣльныя сельскія общества и заводы съ ихъ населеніемъ, а равно лица, обязанныя общео воинскою повинностью, проживающія на казенныхъ казачьихъ или частныхъ земляхъ. Волости, ближайшія къ городамъ, имѣющимъ менѣе пяти тысячъ душъ мужскаго пола, соединяются съ ними въ одинъ участокъ. Необходимыя отступленія отъ сихъ правилъ разрѣшаются мѣстными генераль-губернаторами.

73) Въ каждомъ призывномъ участкѣ опредѣляется мѣсто для призыва и приѣма лицъ, подлежащихъ воинской повинности.

74) Разстояніе отъ призывнаго пункта участка наиболѣе отдаленныхъ его селеній не должно вообще превышать *пятидесяти* верстъ.

75) Если въ предѣлахъ участка не окажется поселенія, удобнаго для размѣщенія призываемыхъ, то мѣстомъ для призыва можетъ быть избранъ ближайшій къ участку

городъ или селеніе, съ соблюденіемъ при этомъ изложеннаго въ статьѣ 74-й правила о разстояніи.

76) Составленіе предположеній о раздѣленіи уѣздовъ на участки и опредѣленіи призывныхъ пунктовъ возлагается: а) въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, на уѣздныя земскія собранія; б) въ губерніяхъ, въ коихъ земскія учрежденія не введены, на особыя комисиі изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского головы, исправника и мирового посредника (по выбору мирового съѣзда); в) въ прибалтійскихъ губерніяхъ—на комисиі изъ уѣзднаго предводителя дворянства (или лица, его замѣняющаго), бургомистра уѣзднаго города (или лица, его замѣняющаго) и слѣдующихъ лицъ: въ Лифляндской губерніи—ордунгсрихтера и членовъ приходскихъ судовъ (по одному отъ cadaго), въ Эстлянской—гагенрихтеровъ и членовъ полицейскихъ судовъ (по одному отъ cadaго) и въ Курляндской—гауптмана и члена крестьянскаго уѣзднаго суда; г) въ Миусскомъ и Донецкомъ округахъ области Войска Донскаго—на областное правленіе сей области. Земли астраханскаго и оренбургскаго казачьихъ войскъ распредѣляются по призывнымъ участкамъ ближайшихъ уѣздовъ Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерній земскими собраніями или комисиями для раздѣленія на участки сихъ уѣздовъ, по принадлежности, съ участіемъ депутатовъ отъ управленій названныхъ казачьихъ войскъ; д) въ Сибири—на комисиі изъ предсѣдателя окружнаго по воинской повинности присутствія (ст. 85, п. е), окружнаго исправника, городского головы и мирового посредника (въ алтайскомъ горномъ округѣ).

77) Составленіе предположеній о раздѣленіи городовъ на участки возлагается на городскія управы, а гдѣ ихъ нѣтъ, на думы или замѣняющія ихъ учрежденія.

78) Составленныя на вышеуказанномъ основаніи предположенія о призывныхъ участкахъ (ст. 76 и 77) представляются на утвержденіе губернатора или начальника области.

79) Если, по мѣстнымъ особенностямъ, встрѣтится затрудненіе образовать призывные участки въ размѣрахъ, опредѣленныхъ въ статьяхъ 71, 74 и 75-й, то предполо-

женія о составленіи участковъ, съ отступленіемъ отъ указанныхъ размѣровъ, представляются на разрѣшеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго. На разрѣшеніе сихъ же министровъ должны быть представляемы и предположенія объ измѣненіяхъ въ участкахъ, уже образованныхъ.

80) Свѣдѣнія объ образованныхъ, на основаніи предшедшихъ статей, призывныхъ участкахъ, съ подробнымъ обозначеніемъ составныхъ частей ихъ и мѣсть, избранныхъ для явки по призыву (ст. 73—75), представляются губернаторомъ или начальникомъ области въ министерства внутреннихъ дѣлъ и военное. Министерство внутреннихъ дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе списки призывныхъ участковъ и происходящія въ нихъ измѣненія.

ГЛАВА VIII.

Объ учрежденіяхъ по отправленію воинской повинности.

81) Въ каждой губерніи и области, за исключеніемъ указанныхъ ниже въ статьѣ 83-й, состоитъ губернское или областное по воинской повинности присутствіе, подъ предсѣдательствомъ губернатора или начальника области, изъ слѣдующихъ членовъ: губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы и одного члена оной по выбору сей управы, губернскаго воинскаго начальника или лица, его замѣняющаго, и прокурора окружнаго суда или его товарища.

82) Въ нижеозначенныхъ губерніяхъ и областяхъ составъ губернскаго по воинской повинности присутствія видоизмѣняется слѣдующимъ образомъ: а) въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, вмѣсто предсѣдателя и члена губернской земской управы, въ составъ присутствія назначаются два члена губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ; б) въ губерніяхъ, гдѣ не дѣйствуютъ судебные уставы, мѣсто прокурора окружнаго суда заступаетъ губернскій прокуроръ, или иное лицо прокурорскаго надзора; в) въ губерніяхъ прибалтійскихъ, губерніяхъ Царства Польскаго и сибирскихъ, вмѣсто предсѣдателя и члена земской управы, назначаются: въ

прибалтійскихъ губерніяхъ—особый членъ отъ правительства и членъ комисіи по крестьянскимъ дѣламъ; въ губерніяхъ Царства Польскаго—непремѣнный членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и одинъ изъ уѣздныхъ комисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ; въ Сибири—совѣтникъ губернскаго или областного правленія; г) въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской (независимо отъ указаннаго въ пунктѣ в) измѣненія въ составѣ присутствія) въ оное назначается, вмѣсто губернскаго воинскаго начальника, штабъ-офицеръ по указанію командующаго войсками въ области.

83) Въ областяхъ: Войска Донскаго, Кубанской, Терской и Уральской обязанности губернскаго по воинской повинности присутствія возлагаются на областное правленіе.

84) Въ каждомъ уѣздѣ или округѣ состоитъ уѣздное или окружное по воинской повинности присутствіе, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: офицера по назначенію военнаго начальства, уѣзднаго исправника, или соотвѣтствующаго сему званію лица, и члена земской управы по выбору оной. При дѣйствиі присутствія въ призывномъ участкѣ, имѣющемъ въ своемъ составѣ городское поселеніе, присутствіе дополняется членомъ отъ городской управы по ея назначенію, а гдѣ городской управы не имѣется, членомъ по выбору городского общества. Кромѣ того, при дѣйствиі присутствія въ мѣстахъ призыва, составъ онаго дополняется однимъ изъ жителей участка, избираемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ на три года.

(Продолженіе будетъ.)

ПРИВАВЛЕНІЯ КЪ ТУЛ. ЕПАРХ. ВѢДОМОСТЯМЪ.

1-го Февраля

№ 3.

1874 года.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕ-РУССКАГО НАРОДНАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА. (*)

Бѣдность, неразработанность и однообразіе памятниковъ проповѣдничества XI—XIII-го в. Свидѣтельства исторіи о вліяніи поученій этого періода на современниковъ. Ограниченность этого вліянія, обусловливаемая неподготовленностію народа къ принятію истинъ христіанской религіи. Татарское иго, возбудившее съ одной стороны въ народѣ сознаніе своихъ недостатковъ, а съ другой—вызвавшее энергическую проповѣдническую дѣятельность пастырей церкви. Характеръ этой дѣятельности.

Представленные нами образцы древне-русскихъ народныхъ поученій далеко не исчерпываютъ собою всей проповѣднической дѣятельности XI и XII-го вѣка. Много было пастырей церкви, по свидѣтельству лѣтописей, «учительныхъ зѣло, поучавшихъ народъ вѣровати въ единого Бога, сладкорѣчивыхъ, искусныхъ въ книгахъ и ученіи», но поученія ихъ не дошли до насъ. Таковы между прочимъ были: Михаилъ первый митроп. кіевскій, Іоаннъ митрополитъ (1080—1089 г.), и другіе. (**). Много поученій хранится въ архивныхъ рукописяхъ и ждетъ ученой разработки отъ любителей исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Довольно ихъ и обнародовано; но изъ числа обнародованныхъ мы познакомили нашихъ читателей только съ тѣми, авторы которыхъ извѣстны въ исторіи русской церкви. Что же касается другихъ, анонимныхъ поученій, то мы сочли излишнимъ сообщать ихъ нашимъ читателямъ; потому что

(*) Статья шестая.—См. Т. Е. В. 1873 г. № 24.

(**) Никон. л. т. 1, стр. 92, 103, 191. Лаврент. л. стр. 89.

большая часть ихъ по своему характеру ничѣмъ существенно не отличаются отъ поученій Луки Жидята и преп. Θεодосія печерскаго: тотъ же складъ рѣчи, таже простота изложенія и почти тоже содержаніе. Въ нихъ какъ и въ поученіяхъ поименованныхъ проповѣдниковъ, преподавались большею частию начатки христіанскаго ученія, самыя первыя основныя христіанскія понятія. Возьмемъ, напр., слово «о постѣ», напечатанное въ Прав. Соб. за 1858 г. ч. 1, стр. 141. По своему содержанію, изложенію и тону рѣчи оно совершенно приличествуетъ характеру и направленію первоначальной русской духовно-поучительной литературы и духовно-нравственнымъ потребностямъ русскихъ христіанъ XI и XII вѣка, и во многомъ напоминаетъ намъ безыскусственныя рѣчи Луки и преп. Θεодосія. Стало бытъ, говорить о немъ, значило бы повторять то, что было сказано прежде. Весьма отрадно, и въ высшей степени утѣшительно то, что этими-то именно поученіями всего болѣе и богата наша древняя духовная письменность.

Такія въ высшей степени назидательныя поученія, каковы напр. поученія епископа Луки, преп. Θεодосія печерскаго и многія другія подобныя, не могли не быть благотворными для просвѣщенія древнихъ русскихъ христіанъ, не могли не содѣйствовать озаренію мыслей русскихъ людей свѣтомъ христіанскихъ истинъ; потому что вполне соответствовали почвѣ, умственной и нравственной пріемлемости народа. Такія поученія обыкновенно привлекали въ храмъ множество слушателей не только изъ близкихъ мѣстъ, но и изъ отдаленныхъ городовъ и селъ: всѣ жаждали слышать слово пастыря, и оно было особенно поучительно для простосердечно вѣрующаго народа. Въ лѣтописяхъ есть довольно свидѣтельствъ о дѣйственномъ и плодотворномъ вліяніи слова древне-русскихъ проповѣдниковъ на своихъ совре-

менниковъ. Къ преподобнымъ кіево-печерскимъ Антонию и Феодосію часто приходили вельможи наслаждаться, по выраженію Нестора, медоточивыми словами, исходящими изъ устъ сихъ отцевъ. «Поучаемые преп. Феодосіемъ, говоритъ жизнеописатель его, подобно землѣ, жаждущей воды, принимали слово, принося плоды трудовъ своихъ Богу, иной во сто кратъ, иной въ 60». Въ житіи преп. Авраамія смоленскаго, подвизавшагося въ половинѣ XII-го вѣка, читаемъ: «и мнози начаша отъ града приходити (въ монастырскую церковь Св. Креста) послушати церковнаго пѣнія и почитанія божественныхъ книгъ, бѣ бо блаженный хитръ почитанію, дастъ бо ся ему благодать Божія, не токмо почитати, но и протолковати, яже мнозѣмъ не свѣдуще, и отъ него сказанное, всѣмъ разумѣти».

Таково было вліяніе древне-русской проповѣди на религиозное сознаніе нашихъ предковъ. Иначе и быть не могло: простое, задушевное, проникнутое любовью къ ближнимъ слово всегда окажетъ благотворное вліяніе на сердца слушателей, лишь бы только сами слушатели были нравственно подготовлены къ принятію проповѣдуемыхъ истинъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ безусловно сказать этого о нашихъ предкахъ XI и XII вѣка. Тѣ счастливы, на которыхъ простиралось дѣйствіе слова нашихъ первыхъ проповѣдниковъ, составляли изъ себя самую незначительную часть русскаго населенія; они ограничивались членами княжеской семьи, дружиною, которая въ древней руси стояла къ князю гораздо ближе народа, и гораздо лучше его понимала какъ матеріальные, такъ и нравственные интересы князя, наконецъ немногими (сравнительно) избранными изъ народа, понимавшими превосходство христіанства предъ язычествомъ. Большая же часть народа какъ по убѣжденію, такъ и по жизни оставались полуязычниками, и если исполняли иногда обряды христіанскіе,

то дѣлали это не по внушенію совѣсти, не по внутреннему убѣжденію, а по той же причинѣ, по которой они принимали крещеніе, т. е. изъ боязни князя, гражданскихъ властей и духовенства, имѣвшаго сильную опору въ князѣ. Вслѣдствіе этого древній славянинъ полуязычникъ послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ отправлялся въ священную дубраву, къ озеру, рѣкѣ, къ студенцу, къ старому дуплистому дубу, березѣ, къ священному камню или подь овинѣ, и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертвы бѣсамъ—Перуну, Хорсу, Мокошу, Велесу, Дажбогу и др., пѣлъ свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солнце красное, младъ свѣтель мѣсяць, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе. Среди семьи совершались всѣ старинныя богослужебныя обряды, ставились законныя обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальникъ для трапезы и тризны по умершимъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища межи села, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчинія и разгуль. Здѣсь происходили всѣ сцены разврата, умыканія невѣсть, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣзу около ракитова куста. Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ грѣховъ, и встрѣчу съ духовнымъ лицомъ почиталъ дурною для себя. Въ то же время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, избавить его наговорами отъ порчи, глаза и притки, навязать ему чародѣйскій наузъ, совершить обрядъ

постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давали первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ домашней жизни, по случаю чьейнибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже: произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ, и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. На такую грубую почву пало сѣмя христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробиваясь по всѣмъ мѣстамъ вновь воздѣлываемаго поля, гдѣ наскоро пустили ростки первые ратаи—правительство и духовенство. При такихъ наклонностяхъ къ своей прежней грубой языческой религіи крещенные предки наши не могли, очевидно, усвоить себѣ и высокихъ началъ христіанской нравственности. Въ общественной жизни господствовало насиліе и грубый произволь, частное право, право сильнаго, со всѣми проистекавшими изъ него притѣвленіями—богатыми и сильными бѣдныхъ и слабыхъ. Мздоимство, неправедный судъ, разбои и грабежи были почти обыкновеннымъ явленіемъ жизни тогдашняго общества. Попраніе святости брака, полнѣйшее униженіе женщины отмѣчало жизнь семейную. Христіанству нуженъ былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Нужна была энергическая, настойчивая дѣятельность со стороны духовенства, чтобы уничтожить вѣковыя привычки и старинныя народныя вѣрованія, наслѣдованныя отъ отцевъ и дѣдовъ. Кромѣ этого въ жизни народа нуженъ былъ какойнибудь особенный поразительный случай, который заставилъ бы народъ задуматься надъ своимъ положеніемъ, углубиться въ самага въ себя, оглянуться назадъ на свое прошлое, посмотреть на окружающее, и во всемъ этомъ искать разгадки роковому случаю. Нуженъ былъ случай, который бы возбудилъ въ народѣ потребность мысли и утѣшенія, и такимъ образомъ приготовилъ

бы почву для сѣянiя на ней поучительныхъ отрадныхъ и утѣшительныхъ сѣмянъ христіанской религіи. Такимъ случаемъ въ жизни русскаго народа былъ въ XIII в татарскій погромъ.

Первое впечатлѣніе ужаса, наведеннаго на русскую землю этимъ погромомъ не успѣло еще пройти и сгладиться, какъ духовенство уже стало пользоваться имъ, какъ средствомъ для достиженiя своихъ религіозныхъ цѣлей. Подобно тому, какъ древній лѣтописецъ Несторъ и преп. Θεодосій указывали намъ на различныя бѣдствiя, а между прочимъ также и на нашествiе иноплеменниковъ, какъ на тяжкія наказанiя за грѣхи и невѣрiе, за пристрастiе къ языческимъ обычаямъ и нетвердость въ вѣрѣ,—и проповѣдники наши второй половины XIII вѣка тотчасъ послѣ нашествiя татарскаго, точно также указываютъ на него своей паствѣ, какъ на тяжкоенаказанiе, ниспосланное Богомъ за грѣхи наши, какъ на кару, которая должна образумить cadaго и заставитьъ глубже заглянуть въ себя, понудить разстаться со всѣми грѣхами своими и беззаконiями, изъ опасенiя еще большихъ бѣдствiй, ожидающихъ русскую землю въ будущемъ, если бы она не покаялась и не отстала отъ поганскихъ обычаевъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что между обличенiями первоначальнаго періода и обличенiями періода монгольскаго существуетъ громадная разница. Проповѣдническая литература монгольскаго періода, по характеру своему, можетъ быть названа по преимуществу *обличительною*, предъ которою обличенiя Нестора, Θεодосія и др. кажутся блѣдными точками; она ставитъ обличенiе главнымъ своимъ дѣломъ, даетъ ему нѣкоторую систему, заботливо толкуетъ о предметѣ, касаясь различныхъ его сторонъ и отношенiй къ истинѣ христіанства. Здѣсь главнымъ образомъ ея жизнь и дѣятельность, а не въ области теоретическаго положительнаго раскрытiя христіанства, какъ

было прежде, и здѣсь именно нужно разсматривать ее, чтобы получить понятіе о ея особенномъ личномъ характерѣ и значеніи. Обличенія эти не были выраженіемъ тѣхъ готовыхъ неподвижныхъ понятій, а явились изъ непосредственнаго общенія съ жизнью; потому что предметъ ихъ—не общія представленія грѣха, суеты мірской, похоти, плоти, похоти очесъ и гордости житейской, а дѣйствительныя явленія тогдашняго народнаго быта. Такой характеръ имѣла проповѣдническая литература XIII и XIV в. Онъ сказывается почти въ каждомъ поученіи этого періода, только въ одномъ больше, въ другомъ меньше. Проповѣдникомъ этихъ поученій, охватывающихъ большій и большій кругъ предметовъ религіозно-нравственной жизни народа, служатъ обличительныя поученія Серапіона, епископа владимірскаго.

3.

ПО ПОВОДУ ИЗВѢСТІЙ О СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ СТАРООБРЯДЧЕСТВѢ.

Старообрядчество, живучее явленіе народной нашей жизни, прежде всего интересно для тѣхъ, кто принадлежитъ къ нему, затѣмъ интересуется оно историка своею неподвижностію, противорѣчущею всеобщему прогрессу въ человѣчествѣ, интересуется богослова безжизненностію своихъ вѣрованій, окаменѣлостію своихъ убѣжденій, интересуется любителя древностей, видящаго въ немъ остатокъ бытовой до-петровской Руси, интересуется беллетриста странностію своихъ дѣйствій. Каждый изъ наблюдателей жизни русскаго народа разсматриваетъ старообрядчество въ своихъ интересахъ и свои наблюденія надъ нимъ не рѣдко помѣщаетъ въ журналахъ и газетахъ. Мы не разъ уже слѣдили за такими наблюденіями, не рѣд-

ко видѣли, что прежніе раскольники, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ, кто своимъ умомъ, кто убѣжденіями другихъ, обращались въ лоно церкви, а случалось и такъ, что рядомъ съ ними свои православные выходили изъ лона церкви и не то, что разубѣждались въ ея истинѣ, потому что если выходили изъ церкви, то, значитъ, не были убѣждены въ истинѣ православія, но просто привыкли жить чужимъ умомъ, легкомысленно, безсознательно совращались въ расколъ, какъ будто находя въ немъ то, чего не искали въ церкви. Такія странныя явленія въ жизни нашего народа бывали и прежде, бываютъ и теперь. Странность здѣсь видна не въ обращеніи старообрядцевъ къ церкви, а почти въ равномѣрномъ съ нимъ совращеніи изъ церкви въ расколъ. Для объясненія такой странности только и можно найти подходящую причину въ большемъ, или меньшемъ развитіи личностей. Но врядъ ли можно одною этою причиною объяснить всѣ возможныя обращенія къ церкви и совращенія въ расколъ. Есть значительная доля правды въ томъ, что обращаются къ церкви дѣйствительно лучшіе люди изъ старообрядчества. Нельзя однако же сказать, чтобы всѣ они были развитѣе оставшихся въ расколѣ, напротивъ между послѣдними встрѣчается множество начетчиковъ и развитыхъ по своему людей, которые понимаютъ свои „догмы“ лучше другихъ, лучше, чѣмъ иные православные знаютъ свои догматы, и все же остаются въ расколѣ. Съ другой стороны и совращенія въ расколъ нельзя объяснять одною неразвитостію совращаемыхъ. При однихъ условіяхъ не развитые люди являются твердыми въ православныхъ убѣжденіяхъ, а при другихъ тѣже, или подобные имъ люди, дѣлаются легкою добычею раскола. Мы думаемъ по этому, что какъ для обращенія въ православіе всегда предполагаются многосложныя благопріятныя условія, такъ и для совращенія въ расколъ многосложныя неблагопріятныя

условія, что тѣ и другія дѣйствуютъ на человека не вдругъ, а постепенно. Убѣждаетъ его въ истинѣ православія вся предварительная подготовка жизни. Обыкновенно обращаются къ церкви вслѣдствіе собственныхъ или чужихъ убѣжденій, такъ что обращеніе къ церкви является результатомъ предшествующей жизни. Тоже нужно сказать, только въ обратномъ смыслѣ, и о совращаемыхъ въ расколъ. Такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ человекъ является результатомъ предшествующей жизни не мапинальной, но подъ условіемъ собственнаго сознанія и свободы, то намъ кажется, что собственное убѣжденіе каждаго, когда онъ самъ доходитъ до истины путемъ самостоятельныхъ изслѣдованій, убѣждается въ истинѣ православія не чужими, а своими собственными глазами, бываетъ болѣе прочнымъ убѣжденіемъ, чѣмъ убѣжденіе чрезъ постороннихъ лицъ. Это послѣднее убѣжденіе дѣлается вполне надежнымъ только тогда, когда усвоится сознательно и разумно и сдѣлается не чужимъ, а своимъ собственнымъ непосредственнымъ убѣжденіемъ. На тотъ и другой случай убѣжденія въ истинѣ православія мы находимъ примѣры изъ современной жизни старообрядчества. Одинъ изъ частныхъ посѣтителей „синодальной библіотеки“ сообщаетъ въ „Современныя Извѣстія“ о слѣдующемъ случаѣ: одинъ старообрядецъ нижегородской губерніи, съ цѣлю провѣрить свои убѣжденія по древнимъ книгамъ, прожилъ въ Москвѣ цѣлое прошлое лѣто и посѣщалъ патріаршую библіотеку почти каждый день. Во время своихъ занятій онъ успѣлъ просмотрѣть все древнія славянскія рукописи, по которымъ исправлены были наши церковныя книги, разсматривая, какъ писалось въ древнее время имя Іисусъ, какъ читалось аллилуія, какое употреблялось перстосложеніе въ древней греческой и русской церкви. Разъ, окончивъ свои занятія, этотъ старообрядецъ въ присутствіи другихъ

съ убѣжденіемъ высказаль, что Никонъ патріархъ справедливо исправиль церковныя книги, и что онъ оказалъ великія и полезныя заслуги для церкви. Послѣ сего онъ принялъ іерейское благословеніе, оставиль расколь и присоединился къ церкви. Во время своихъ занятій въ бібліотекѣ этотъ старообрядецъ часто приглашалъ своихъ собратій, чтобы раздѣлить съ ними провѣрку и всѣхъ склонялъ къ истинѣ православной церкви (Моск. Вѣд. 1873 г. № 312). Не извѣстно, успѣлъ ли онъ склонить кого либо изъ нихъ въ пользу церкви, но желатель-но, чтобы примѣръ его нашель достойныхъ подражателей, чтобы и они, подобно ему, дошли до убѣжденія своими собственными трудами и усиліями. Убѣжденіе въ истинахъ православія, по примѣру его, имѣло бы на своей сторонѣ несомнѣнную выгоду, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что казалось бы дѣломъ свободы, не имѣющимъ ни малѣйшей тѣни принужденія, тогда какъ всякое постороннее убѣжденіе въ вѣрѣ, можетъ быть, въ слѣдствіе историческихъ причинъ, кажется старообрядцамъ принужденіемъ. Недавно, именно прошлаго 21 сентября писали изъ Архангельска (Голосъ 1873 г. № 276): „у насъ вздумали устроить диспуты священника миссіонера съ раскольниками. На первый диспутъ не явился никто, на послѣдующіе столькоже. Что за причина? Говорять, что раскольники не приглашались для преній, а требовались сюда какъ будто на какую нибудь расправу. Понятно, что никто не пришелъ. „Отчасти я право, прибавлялъ корресподентъ, не понимаю пользы этихъ диспутовъ. Дѣло въ томъ, что пропаганда православія должна быть производима каждымъ священникомъ въ своемъ селѣ. А то, что толку разъ въ годъ прочесть проповѣдь въ пустой аудиторіи“? Эта замѣтка корресподента съ одной стороны служитъ подтвержденіемъ того, что убѣжденія въ истинахъ вѣры нельзя произвести въ

другихъ противъ ихъ желанія, что оно должно быть не дѣломъ принужденія, а личнымъ, сознательно-свободнымъ долгомъ cadaго, съ другой стороны пропаганда православія не должна превращаться въ одну формальность, но должна быть священною обязанностію cadaго священника, который въ существѣ дѣла миссіонеръ. Вообще же постороннія убѣжденія необходимы для тѣхъ сектантовъ, которые сами по себѣ не могутъ дойти до убѣжденія въ истинахъ православія. Сюда относятся вообще не одни проповѣди священниковъ о путяхъ царства небеснаго, но и миссіонерскія бесѣды и публичныя собесѣдованія съ сектантами. Благодаря этимъ средствамъ, расколъ старообрядчества, какъ видно изъ отчета Самарскаго преосвященнаго за 1872 г. Св. Синоду, „менѣе сталъ заявлять себя со стороны пропаганды, самый фанатизмъ его начинаетъ сглаживаться, непріязненные отношенія адептовъ того или другаго толка къ православнымъ теперь начинаютъ измѣняться на болѣе миролюбныя и пріязненные. Въ отчетномъ году менѣе было случаевъ отпаденія изъ православія въ расколъ и молоканство, случаи же присоединенія къ православію со стороны сектантовъ были не единоличныя, даже были присоединенія такихъ лицъ, которыя между сектантами считались прежде людьми авторитетными, какъ по начитанности своей, такъ и по стойкости убѣжденій. Вообще расколъ началъ терять свою обаятельную силу между простолюдинами, не смотря назавѣдомое почти для всякаго существованіе моленныхъ, отправленіе службы въ нихъ попами, на совершеніе разныхъ богослуженій, почти публично“... Въ означенномъ отчетѣ описаны и успѣхи миссіонерской дѣятельности. „Дѣло миссіи въ самарской епархіи со времени учрежденія особыхъ для того становъ и открытія публичныхъ собесѣдованій о предметахъ вѣры осязательно принимаетъ новый видъ ко благу церкви

православной и заблуждающихъ братій. Начинается какъ бы реакція въ самомъ расколѣ,... пробуждается любознательность и крѣпнетъ желаніе узнать истину... Расколъ видимо измѣняетъ свой вѣковой характеръ и выходитъ изъ той замкнутости, въ которой коснѣлъ столько времени, слабѣетъ его упорство и фанатизмъ; адепты его, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ, теперь менѣе враждебно и болѣе доверчиво относятся къ учрежденіямъ церкви православной, и ея чадамъ“ и проч. Такова утѣшительная сторона дѣла!

А вотъ и обратная сторона жизни современныхъ старообрядцевъ: корреспондентъ изъ села Бродъ, старицкаго уѣзда, тверской губерніи, пишетъ въ славянскую типографію, что „у всѣхъ старообрядцевъ того прихода существуетъ общая ненависть къ нашей церкви и ея служителямъ... Наша церковь, по ихъ мнѣнію, не есть истинная церковь, равно и іерархія наша и всѣ семь таинствъ нашей церкви. Недавно они ухватились было за австрійское священство, но и оно что—то имъ пришлось не по вкусу“ (Еще бы!). Мало того. „Довольно начитанные и, по своему состоянію, довольно вліятельные между своими сосѣдями, они многихъ православныхъ со-вращаютъ въ расколъ. Сами они ничѣмъ не вразумляются. Потому съ нашей стороны было бы бесполезною тратою времени сколько нибудь серіозное препирательство съ ними. Для насъ было бы желательнѣе и полезнѣе сколько возможно поддержать православныхъ, имѣющихъ слабую вѣру и сбивчивость понятій обо всемъ, что касается до вѣры.“... И такъ, гдѣ старообрядцы ничѣмъ не вразумляются, по чему бы то ни было, тамъ они чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы совращать въ расколъ самыхъ православныхъ, конечно, слабыхъ въ вѣрѣ. Здѣсь ведется своего рода борьба за существованіе, борьба явная и тайная, открытая и под-

польная, борьба, въ которой старообрядцы показывают ревность, достойную лучшаго дѣла и не останавливаются ни предъ какими средствами. „Въ казанской епархіи, по словамъ Русскихъ Вѣдомостей, перепечатанныхъ и въ другихъ газетахъ (Голосъ 1874 г. № 3), недавно послѣдовало распоряженіе мѣстнаго архіепископа, преосвященнаго Антонія о воспрещеніи раскольникамъ иконописцамъ писать для православныхъ церквей св. иконы. Распоряженіе это вызвано тѣмъ, что во многихъ храмахъ вновь написанные, или поновленные образа оказались съ двуперстнымъ сложеніемъ“. То, что оказалось новостію въ казанской епархіи, уже давно извѣстно въ другихъ мѣстахъ, куда только проникаютъ издѣлія старообрядцевъ — суздальскихъ иконописцевъ; издѣлія эти не рѣдко покупаются простолюдинами, окладываются ризами и по временамъ жертвуются въ храмы. Такъ естественно, по видимому, онѣ попадаютъ въ чуждыя дома и церкви. А между тѣмъ эти иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ служатъ однимъ изъ средствъ пропаганды раскола: православные христіане, не опытные въ вѣрѣ, видя повсюду иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ, легко впадаютъ въ сѣти раскола. Иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ суть нѣкотораго рода проповѣди о расколѣ, написанныя, вмѣсто словъ, въ лицахъ и притомъ святыхъ; сами святые такимъ образомъ являются какъ будто проповѣдниками отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви. Это еще не все. Въ Кіевлянинѣ, по словамъ Сына Отечества (1873 г. № 136), недавно былъ случай самой неблагоприятной продѣлки съ фольговыми иконами, благодаря ихъ дешевизнѣ, чрезвычайно распространенными въ крестьянской средѣ. Въ послѣднее время крестьяне села, лежащихъ близъ Чигирина, начали сомнѣваться въ правильности иконъ фольговой работы, между ними распространялся слухъ, будто бы священникъ села Утецова, херсонской губерніи, на-

ходящагося тоже недалеко отъ Чигирина, освятилъ принесенную однимъ крестьяниномъ фольговую икону. По прочтеніи молитвы, онъ уже взялся за кропило, чтобы окропить ее святою водою; но въ эту минуту стекло иконки лопнуло, фольга сама собою загнулась и глазамъ присутствовавшихъ представилось изображеніе діавола, отчетливо сдѣланное на фольгѣ съ слѣдующей надписью: поклонись мнѣ 7-мь лѣтъ, и будешь мой на вѣки. Священникъ такую икону, конечно, не освятилъ. Разказы объ этой-то иконѣ распространились во время чигиринской ярмарки. Мѣстное духовенство потребовало, чтобы всѣ, имѣющіе фольговья иконы удостоившіеся въ годности ихъ приподнятіемъ картона и фольги и жители Чигирина увѣряли, что на глухой сторонѣ найдено до пяти діавольскихъ изображеній за фольгою, а на прочихъ найдены наклеенныя на картонѣ разныя газетныя безобразныя каррикатуры, то человѣка съ собачьею головою, то турка съ трубкою врту. Такія же освидѣтельствованія фольговыхъ иконъ сдѣланы были во многихъ сосѣднихъ селахъ и все съ одинакимъ характеромъ. Вотъ до какихъ насмѣшекъ надъ православными дошли иконописцы раскольники изъ шугдистовъ, этихъ русскихъ лютеранъ? Какова же должна быть среда, гдѣ возможны такія профанаци чувствъ христіанина и его обрядовъ. Сколько здѣсь видно не нависти къ иконамъ и невѣжества относительно сущности иконопочитанія? Если образованные иностранцы не удовлетворяются картинами, которыя, по манерѣ нидерландскихъ портретныхъ живописцевъ, представляютъ взорамъ нашимъ Господа Иисуса въ человѣческой сферѣ, лишеннымъ всякаго божественнаго величія и не удовлетворяются только потому, что живописцы хотятъ изобразить дѣйствительность на счетъ истины, то чего бы они не сказали при взглядѣ на наши фольговья иконы съ антихристіан-

скимъ оттѣнкомъ, предъ которымъ блѣднѣютъ не только нидерландскія картины, но и наши суздальскія издѣлія?.. Можно спросить однакожь: что же общаго у суздальскихъ живописцевъ съ фольговыми иконами штундитовъ, и что за цѣль этихъ созданій дикаго воображенія? Судя строго, суздальскіе иконописцы въ нѣкоторомъ отношеніи солидарны съ живописцами изъ штундистовъ. Первые, распространяя между православными иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ, тѣмъ самымъ вытѣсняють и отрицають иконы, написанныя въ духѣ православія, а послѣдніе чрезъ осмѣяніе православныхъ иконъ отрицають вообще всякое иконописаніе.

(Окончаніе будетъ.)

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Одинъ изъ самыхъ видныхъ вопросовъ нашей церковной жизни, вопросъ „о нуждахъ единовѣрія,“ перешелъ изъ минувшаго въ настоящій годъ въ видѣ нерѣшеннаго вопроса. Онъ былъ поставленъ однимъ изъ членовъ петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія г. Филипповымъ. По мнѣнію г. Филиппова, обряды единовѣрцевъ должны пользоваться не одною только снисходительною терпимостью со стороны православной церкви, а полнымъ равноправіемъ съ православными обрядами во имя той широкой свободы обряда, какая будто-бы существовала въ древней христіанской церкви. Подъ широкой свободой обряда онъ разумѣетъ то разнообразіе обрядовъ при единствѣ вѣры, которое дѣйствительно встрѣчается въ древней церкви и которое, начинаясь обыкновенно съ небольшихъ случайныхъ разностей, постепенно возрастало иногда и до болѣе важныхъ. Широкою свободу г. Филипповъ видитъ въ томъ, что въ первые вѣка христіанства

ни одной частной церкви не приходило на мысль стѣснять другую въ развитіи особенностей обряда, усвоеннаго этою другою. Русская православная церковь, по мнѣнію г. Филиппова, должна отнестись точно такъ же къ раскольническому обряду, какъ въ первые вѣка христіанства относились между собою частныя церкви: раскольническій обрядъ, по его мнѣнію, такая же самостоятельно развившаяся форма, какъ и православный обрядъ. Мысль эта сама по себѣ не заслуживала бы тѣхъ строгихъ пререканій, какими она была встрѣчена не только въ средѣ ученыхъ членовъ петербургскаго отдѣла общества любителей духов. просвѣщенія, но и въ духовныхъ журналахъ. На этой мысли собственно основывается все учрежденіе единовѣрія. Какъ хотите называйте дозволеніе единовѣрцамъ совершать свои особенные обряды съ благословенными священниками и въ благословенныхъ храмахъ: свободою ли обряда, или снисходительною терпимостью; въ сущности это въ настоящемъ случаѣ одно и то же. Г. Филипповъ требуетъ свободы обряда единовѣрцамъ: она имъ дана. Если же онъ требуетъ признанія этого обряда одинаково истиннымъ наравнѣ съ обрядомъ православной церкви, т. е. требуетъ полного безразличія въ обрядѣ, то это невозможно, какъ невозможно требовать такого же безразличія и отъ единовѣрцевъ. Да и какъ принудить себя признать, что наприм. „аллилуія“ значитъ „слава Тебѣ, Боже,“ когда я хорошо знаю, что оно значитъ „хвалите Бога“? Въ древней христіанской церкви допускалось мѣстное различіе въ обрядахъ; но со времени вселенскихъ соборовъ она постоянно стремилась къ возможному объединенію обряда, а слѣд. и къ нѣкоторому ограниченію его широкой свободы.

Споръ о нуждахъ единовѣрія еще не доведенъ до конца тамъ, гдѣ онъ начался; но интересны отголоски этого спора въ газетныхъ листкахъ, сочувст-

вующихъ г. Филиппову и запрещаемому имъ дѣлу. Листки эти обнаруживаютъ крайнее неуваженіе къ мнѣніямъ своихъ противниковъ. „Гражданинъ“ наприм. клеймитъ отвѣтъ прот. Васильева г. Филиппову чуть не прямо безсмыслицей (см. Церк. Общ. Вѣст. № 13). Соврем. Извѣстія сильно тоже радѣютъ въ пользу г. Филиппова и единовѣрцевъ. Все это было бы хорошо, если бы было миролюбиво. Но зачѣмъ эти укоризны духовенству? Неужели газетные листы хотятъ угодить ими единовѣрцамъ или раскольникамъ, думаютъ примирить тѣхъ и другихъ съ православною церковью? Одинъ изъ членовъ московскаго противораскольническаго братства св. Петра высказалъ будто бы въ церковной проповѣди свое желаніе, чтобы къ прежнему закону, запрещающему раскольникамъ строить новыя часовни, прибавлено было еще приказаніе закрыть и всѣ старыя. Газетный листокъ начинаетъ по этому поводу глумиться надъ проповѣдникомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, предполагаетъ въ немъ корыстные расчеты на доходъ отъ раскольника, который по неволѣ зайдетъ въ православную церковь, за неимѣніемъ раскольническихъ молельнь (Совр. Изв. № 34). Какъ это остроумно, а главное какъ пріятно раскольникамъ, когда такъ позорятъ православнаго священника! Раскольникъ, сообщившій газетѣ свѣдѣніе о проповѣди, сказанной членомъ братства св. Петра, отнесся къ проповѣднику съ большимъ уваженіемъ и большею вѣжливостію....

Перейдемъ на другую почву, болѣе благодарную для духовнаго сѣянія. Проповѣдь приходскихъ пастырей даетъ у насъ несравненно лучшіе плоды, нежели миссіонерское слово. Ей покоряется, сильнѣе всѣхъ другихъ страстей господствующая надъ нашимъ народомъ, страсть къ пьянству. Вотъ что сообщаютъ „Извѣстія по казанской епархіи“ объ успѣхѣхъ проповѣди одного приходскаго пастыря въ борьбѣ съ пьянствомъ (№ 2).

„Благочинный священникъ Е. Воецкій представилъ къ

Его Высокопреосвященству рапортъ священника с. Урганчи А. Турминскаго вмѣстѣ съ приговоромъ крестьянъ села Урганчи о закрытіи въ ономъ селѣ съ января мѣсяца 1874 г. питейнаго заведенія. Рапортъ Турминскаго слѣдующаго содержанія: Живя въ селѣ Урганчѣ 5 лѣтъ, онъ замѣтилъ, что бѣдность его прихожанъ происходитъ главнымъ образомъ отъ пьянства. Желая, если не совершенно искоренить, то по крайней мѣрѣ хотя ослабить его, онъ съ самаго поступленія на должность, не оставлялъ своихъ прихожанъ безъ поученія во всѣ воскресные и праздничные дни. Особенно часто говорилъ о пьянствѣ, высказывая весь вредъ, какой происходитъ отъ него въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Онъ говорилъ, что пьянство есть корень всякаго зла и тяжкій грѣхъ предъ Богомъ: возьмите какой угодно порокъ, и вы замѣтите, что онъ происходитъ отъ пьянства. Отъ пьянства происходятъ: воровство, ссоры, драка, убійства, сквернословіе, неповиновеніе родителямъ, непочитаніе праздниковъ, несогласіе въ семействахъ и проч. Люди, преданные этому пороку, бываютъ плохими членами государства, церкви и общества. Пьяница несвоевременно или совсѣмъ не платитъ подати, мірскія повинности отбываются имъ также не аккуратно. Храмъ Божій онъ посѣщаетъ рѣдко, бывая въ немъ разъ пять въ году: въ пасху, троицу, престольный праздникъ, рождество и благовѣщеніе. Случится, можетъ быть, еще быть въ храмѣ по нуждѣ: во время крестинъ, похоронъ и браковъ. Спрашивается, когда и гдѣ ему поучиться доброму?.. Наставленія эти хотя и дѣйствовали на прихожанъ, но не достигали вполне своей цѣли. Крестьяне, выслушавъ поученіе въ церкви, поохаютъ, повздыхаютъ, а женщины и поплачуть, но какъ скоро наступитъ храмовой праздникъ, или случится помощь, свадьба, снова за вино. Однако замѣтно было, что поученія на нихъ дѣйствовали и оставляли по себѣ нѣкоторые слѣды. Это видно было изъ того, что подгулявши съ гостями во время праздниковъ и идя мимо храма Божія, нѣкоторые изъ нихъ ограждали себя крестнымъ знаменіемъ. Слѣдя за прихожанами, онъ—священникъ—убѣдился, что уничтожить пьянство совершенно нельзя, имѣя въ селѣ кабакъ; не будь его, употребленіе вина приносило бы менѣе зла. Это пояснить можно нѣсколько при-

мѣромъ. Приближается, напимѣрь, престольный праздникъ, или какой нибудь домалиннй пиръ, крестьянинъ покупаетъ извѣстную мѣру вина, распиваетъ ее съ гостями, тѣмъ бы все и кончилось; но при кабакѣ видимъ противное. Выпивши заготовленное, онъ снова покупаетъ вина и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всѣ добытыя трудомъ и потомъ деньги. Случается, что, проводивши гостей, онъ заходитъ въ кабакъ опохмѣлиться, встрѣчаетъ тамъ пріятелей, которыхъ въ нетрезвомъ видѣ много, онъ беретъ вина, угощаетъ своего друга и выпиваетъ самъ. Распивши вино, и другъ его, чтобы не остаться въ долгу, тоже покупаетъ вина и подкуетъ своего друга. Пропивши деньги, они поочереди берутъ вина уже въ долгъ; и этому пьянству не бываетъ конца. Могутъ подумать, что цѣловальникъ не дастъ вина въ долгъ; нѣтъ, не тутъ-то было. Онъ въ этомъ случаѣ очень щедръ и можетъ отпустить вина, сколько угодно. Цѣловальникъ въ селѣ всѣхъ крестьянъ знаетъ хорошо, пользуется ихъ расположеніемъ; онъ почетное лице въ мѣрѣ, первое по сельскомъ начальникъ, и потому безъ него не бываетъ почти ни одного праздника. Нѣкоторые изъ цѣловальниковъ употребляютъ своего рода ловушки. Въ нашемъ селѣ, напр., одинъ цѣловальникъ, желая привлечь въ кабакъ болѣе посѣтителей, игралъ на скрипкѣ; говорятъ, что и играть-то почти не умѣлъ. Давѣдь и цѣвнителей-то нѣтъ, для крестьянина ладно, особенно въ нетрезвомъ видѣ, когда и безъ музыки въ ушахъ звенить. Эта игра доставляла ему и удовольствіе и приносила своего рода пользу. Крестьяне по праздникамъ толпились около кабака, такъ какъ отъ него недалеко было мѣсто, гдѣ собирались сходки. Послѣ собранія, а иногда и прежде крестьяне заходили въ кабакъ—одни выпить, а другіе оставались на улицѣ слушать музыку. Въ толпѣ слушателей бывало много и дѣтей, которые играли на улицѣ. Въ кабакѣ между пьяными начинался шумъ, гамъ, пляски, брань, сквернословіе; а иногда и драки. На все это волей и неволей смотрѣли дѣти и перенимали все дурное. Когда ему передали это, то весьма прискорбно было слышать эти рассказы, и онъ, священникъ, удостовѣрившись въ справедливости слышаннаго, строго запретилъ дѣтямъ играть око-

ло кабака, гдѣ они, кромѣ худаго, ничему доброму не учатся. Имѣя въ селѣ кабакъ, крестьяне предаются пьянству не только по праздникамъ, но и въ будни. Они не обходятся безъ вина при мѣнѣ лошадей, покупкѣ и продажѣ другаго скота и разныхъ домашнихъ издѣлій. Ему передавали, что одинъ крестьянинъ, продавши одну вещь за 40 коп. сереб., вырядилъ четверть ведра вина, которая стоитъ 1 руб. сереб. Особенно много пропиваютъ крестьяне денегъ лѣтомъ, когда загоняютъ скотину съ травы, при чемъ принято за правило, кромѣ денежнаго штрафа, выпивать съ виновнаго известное количество вина. Всего этого не было бы, если бы не было кабака. Начало уничтоженія кабака положено имъ, Турминскимъ, въ прошломъ 1872 году. Въ июль мѣсяцѣ крестьяне отдавали въ оброкъ мельницу, на ладахъ выпили нѣсколько ведеръ вина, и еще вырядили десять руб. сереб. въ мѣръ, изъ коихъ пять рублей серебромъ успѣли уже пропить. Въ это время онъ случайно встрѣтился съ однимъ крестьяниномъ, который сообщилъ ему, что они отдали въ оброкъ мельницу, на радостяхъ выпили вина, и еще досталось на часть ихъ пять рублей, которые крестьяне намѣрены раздѣлить, или пропить. Узнавши это, онъ, свящ. Турминскій, совѣтовалъ имъ пожертвовать эти деньги въ церковь, обѣщаясь на нихъ написать икону святителя Тихона, задонскаго чудотворца, которой въ ихъ храмѣ не имѣется. Крестьяне добровольно согласились на это и передали деньги пять рублей сереб.; но этихъ денегъ было мало, и онъ пригласилъ еще нѣкоторыхъ лицъ сдѣлать пожертвованіе на это святое дѣло. Всѣхъ денегъ наконецъ собралось 15 руб. серебромъ, на которыя и заказали написать икону св. Тихона, епископа задонскаго. По написаніи иконы, она, по его Турминскаго просьбѣ, была освящена въ г. Чистополѣ для того, чтобы встрѣтить ее въ селѣ съ подобающею честию. 24 февраля сего 1873 года церковный староста объявилъ ему, что икона привезена имъ изъ города Чистополя и находится около полевыхъ воротъ. Онъ, священникъ, приказалъ причетникамъ сдѣлать въ церкви позовъ, и когда въ храмѣ собралось доброе количество народа, отправились съ святыми иконами для встрѣчи угодника Божія, святителя Тихона.

Пришедши на мѣсто, гдѣ находилась икона, онъ отслужилъ молебенъ святителю Тихону, сдѣлалъ осѣненіе, и отправились обратно въ церковь. По возвращеніи въ церковь, онъ снова отслужилъ молебенъ св. Тихону, кратко разсказалъ житіе его, высказавъ, что онъ особенно не любилъ пьянства и самъ занимался земледѣліемъ. Въ это время храмъ былъ переполненъ народомъ, который служилъ молебны св. Тихону и дѣлалъ пожертвованія, которыя состояли изъ денегъ и холста; денегъ собрано около 4 руб., а холста 35 аршинъ. Августа 12 числа прочиталъ онъ въ церкви на литургіи бесѣду о пьянствѣ изъ книги: „Бесѣды сельскаго священника къ своей паствѣ“, которая произвела на прихожанъ сильное впечатлѣніе. Замѣтивши это, онъ послѣ обѣдни отправился на мірскую сходку и сдѣлалъ предложеніе объ уничтоженіи кабака, объяснивши всѣ пагубныя послѣдствія его. Выслушавъ его заявленіе, прихожане вполнѣ согласились съ его мнѣніемъ и единогласно составили приговоръ объ уничтоженіи кабака въ селѣ Урганчѣ съ будущаго января 1874 года. Засвидѣтельствовавши приговоръ въ ерыклинскомъ правленіи, онъ, Турминскій, 15-го числа августа мѣсяца, послѣ утрени высказалъ крестьянамъ, что приговоръ засвидѣствованъ и поступилъ въ законную силу; потомъ объявилъ, что онъ намѣренъ сего дня отслужить молебенъ за оказанную имъ милость Господомъ Богомъ, что исполнять ежегодно. Въ приговорѣ крестьянъ говорится: 1873 г. августа 12-го дня. Мы нижеподписавшіеся, чистопольскаго уѣзда, ерыклинской волости, села Урганчи крестьяне-собственники были сего числа въ общемъ полномъ собраніи. Въ собраніе явился нашъ приходскій священникъ Александръ Лукинъ Турминскій и высказалъ всѣ дурныя послѣдствія, какія происходятъ отъ пьянства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи. Онъ говорилъ, что пьянство есть самый тяжкій грѣхъ предъ Богомъ, и что отъ него происходятъ всѣ другіе грѣхи—воровство, ссоры, драки, убійства, сквернословіе, распутство, неповиновеніе родителямъ, непочитаніе праздниковъ и прочее. Такія наставленія онъ много разъ дѣлалъ намъ въ храмѣ при богослуженіи. Въ заключеніе онъ просилъ собраніе закрыть кабакъ и никогда его впредь болѣе не пускать: но

такъ какъ кабакъ въ семь 1873-мъ году пущень по условію, то, не желая нарушить условія, совѣтывалъ оставить его только до окончанія сего года. Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ священника, мы изъявляемъ ему благодарность за его добрыя наставленія и всѣ единогласно постановляемъ: оставить кабакъ въ селѣ Урганчѣ только до окончанія сего года, а съ января будущаго 1874 года впредь никогда болѣе не открывать; въ чемъ и подписались: села Урганчи 106 крестьянъ-собственниковъ. Резолюціею Его Высокопреосвященства по рапорту благочиннаго Воецкаго предписано: „Рапортъ священника села Урганчи Турминскаго объ уничтоженіи въ семь селѣптейнаго заведенія и приговоръ крестьянъ напечатать въ епархіальныхъ Извѣстіяхъ, при чемъ предписать всѣмъ священникамъ въ епархіи, въ особенности сельскимъ, дабы они усилили всячески проповѣди свои народу противъ пьянства, и по примѣру означеннаго священника употребили возможныя мѣры къ убѣжденію прихожанъ составлять подобныя мірскіе приговоры объ уничтоженіи пьянства“.

Пастырское настойчивое, неотступное слово противъ пьянства не останется безплоднымъ. Это доказываетъ повсемѣстный опытъ. Тотъ же опытъ свидѣтельствуешь, что народъ нашъ, о которомъ мы привыкли слышать, что онъ поголовно пьянствуетъ, враждебно настроенъ противъ пьянства. Пастырское слово священника противъ пьянства всегда падаетъ на почву, уже совсѣмъ готовую. Во времена откупа, когда не во власти крестьянъ было запрещать строить кабаки, приглашаетъ бывало пастырь дать зарокъ не пить ничего хмѣльнаго, и паства не только даетъ зарокъ, но еще проситъ привести ее къ присягѣ. Теперь не рѣдкость—мірскіе приговоры о закрытіи кабаковъ. Довольно одного простаго не хитраго слова священника, чтобы поднять міръ противъ кабака: какъ будто сигнала ожидаютъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ успѣшнаго дѣйствія пастырскаго слова. Въ воронежской губ. одинъ сельскій свя-

щенникъ вотъ что говорилъ между прочимъ своимъ прихожанамъ. (Ворон. Е. В. № 2):

Соблазнъ къ пьянству у насъ очень великъ и постоянно торчитъ бредъ вашими глазами и на самыхъ видныхъ мѣстахъ—это ваши кабацкія заведенія!.. Заповѣдь Апостола къ христіанамъ не упиваться виномъ такъ для васъ трудна, что рѣдкій, очень рѣдкій изъ васъ, съ характеромъ крѣпкимъ, да крѣпкимъ, можетъ устоять въ этой апостольской заповѣди. Святые мужи дѣйствительно имѣли крѣпкую волю останавливаться на самой малой мѣрѣ употребленія вина, далѣе которой не простиралось ихъ желаніе. И потому то они думали, что и всѣ люди должны быть съ такимъ же крѣпкимъ характеромъ, какъ они, и дозволили употребленіе вина даже въ великіе праздники,— по извѣстной мѣрѣ и съ благоразуміемъ. А мы грѣшныя, мы слабыя люди, мы не можемъ удержать себя на извѣстной степени винопитія; пріятельство, ваши торговля, дружескія и родственныя отношенія такъ сближаютъ васъ, что вы незамѣтно увлекаетесь одинъ другимъ и незамѣтно въ кабацкомъ разгулѣ упиваетесь виномъ, забывая въ это время и заповѣдь апостольскую и наставленія пастырскія и, словомъ, все святое и священное, и, минута за минутой, часъ за часомъ—изъ трезвыхъ дѣлаетесь окончательно пьяными, изъ честныхъ—безчестными, а нѣкоторые и отъявленными ворами, изъ кроткихъ и благообразныхъ христіанъ, благоговѣнно стоящихъ въ храмѣ предъ ликами святыхъ,—совершенными буянами и даже разбойниками...

Что же намъ дѣлать, слушатели мои, чтобы избѣгнуть этого великаго зла, этой общественной гибели, происходящей отъ пьянства?. Одно только средство для этого, и самое вѣрное и самое надежное: не позволить никому, ни своему—ни постороннему, съ новаго наступающаго года открывать кабаки въ слободѣ нашей; уничтожить не на годъ, а навсегда эти мѣста великаго соблазна, разврата и непотребства, мимо которыхъ, какъ мимо падали какой, стыдно проходить честному человѣку.

Теперь вы слабы, какъ воскъ предъ лицомъ огня, относительно винопитія; но со временемъ, съ уничтоженіемъ въ слободѣ нашей кабацкихъ заведеній, при помощи бла-

годати Божіей, вы можете укрѣпиться въ воздержаніи, и сдѣлаться тверже камня.

Не думайте, чтобы оно было для васъ невозможно; у Бога все возможно. Подъ руководствомъ вашихъ благо-разумныхъ и трезвыхъ начальниковъ, послѣдуйте вы въ этомъ случаѣ, благоразумному примѣру жителей пензенской губерніи, которая находится недалеко отъ нашей. Вотъ что тамъ теперь дѣлается, какъ извѣстно по газетамъ. Крестьяне пяти волостей городищенскаго уѣзда составили 32 приговора, а крестьяне двухъ волостей мокшанскаго уѣзда—8 приговоровъ о прекращеніи крѣпкихъ напитковъ въ питейныхъ домахъ. Всѣхъ приговоровъ въ пензенской губерніи въ настоящее время составлено 684. (Современность № 65, 1873 года). А вотъ и въ нашей губерніи, въ можайской волости, воронежскаго уѣзда, крестьяне составили слѣдующій приговоръ о прекращеніи пьянства: 1873 года октября 13 дня, мы нижеподписавшіеся, воронежскаго уѣзда 2-го мирового участка можайской волости, государственные крестьяне, бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ, при нашемъ сельскомъ старостѣ, на коемъ имѣли сужденіе о прекращеніи развившагося пьянства въ нашемъ обществѣ, и принимая во вниманіе, что отъ пьянства въ нашемъ обществѣ многіе изъ крестьянъ пришли въ совершенное раззореніе и, кромѣ того, часто возрождаются ссоры, драки, кражи и поджоги; а потому, съ общаго нашего согласія, постановили сей приговоръ въ томъ, чтобы съ слѣдующаго 1874 года, на три года, воспретить въ нашемъ обществѣ открывать питейныя и трактирныя заведенія, съ продажею крѣпкихъ напитковъ; въ случаѣ нарушенія сего, мы подвергаемъ себя штрафу съ каждаго домохозяина по 5 руб. сер., въ чемъ и подписуемся. («Донъ» № 79, 1873 года). Въ столичномъ городѣ нашемъ Санктъ-Петербургѣ кабаки закрыты на 27 главныхъ улицахъ и въ томъ числѣ на трехъ большихъ площадяхъ.

Боже мой! Доживу ли я до того благодатнаго времени, когда, съ закрытіемъ кабаковъ, въ слободѣ нашей водворится миръ, тишина и спокойствіе? Буду съ особеннымъ усердіемъ молиться объ этомъ предъ симъ св. престоломъ и буду надѣяться на помощь Всевышняго».

Завѣтное желаніе пастыря — проповѣдника сбылось: кабаки въ его приходѣ закрылись съ новаго 1874 года.

Благочинническіе съѣзды въ разныхъ епархіяхъ уже давно занимаютъ разработкою вопроса о противодѣйствіи распространенію въ народѣ пьянства, и всѣ почти останавливаютъ вниманіе свое на одной мѣрѣ — пастырской проповѣди. Объ этомъ говорятъ ежегодные отчеты г. оберъ-прокурора Св. Синода. Но мы приведемъ примѣръ изъ позднѣйшихъ извѣстій, еще не вошедшихъ въ „отчетъ“: Въ Самарскихъ Епар. Вѣд. (№ 2) напечатанъ журналъ съѣзда духовенства одного благочинническаго округа, слѣд. содержанія:

„Собраніе имѣло сужденіе о принятіи мѣръ къ ослабленію сильно развившейся въ послѣднее время въ простомъ народѣ нетрезвости. Вполнѣ сознавая вредъ этого порока, какъ по отношенію къ общественной жизни, такъ и по отношенію домашняго быта населенія, собраніе, послѣ продолжительнаго и серьезнаго обсужденія предмета, пришло къ тому убѣжденію, что существенное средство для ослабленія зла находится въ рукахъ духовенства. Это — проповѣдь. Это же средство должно быть примѣнено и притивъ суевѣрій. Почему и постановлено: Рекомендовать всѣмъ священникамъ округа усилить проповѣдничество о вредѣ нетрезвости и суевѣрій, какъ съ церковной кафедрой, такъ въ особенности во время воскресныхъ собесѣдованій. Для чего записать сочиненіями по сему предмету. Но такъ какъ люди, особенно сильно преданные пороку нетрезвости, рѣдко, или вовсе никогда, не посѣщаютъ ни храма, ни воскресныхъ собесѣдованій, то рекомендовать священникамъ для такихъ людей пользоваться общественными молебствіями и посѣщеніемъ ихъ домовъ во время крестныхъ ходовъ.

Въ одномъ селѣ Казанской епархіи священникъ возбудилъ своихъ прихожанъ къ составленію приговора объ уничтоженіи питейныхъ домовъ. Хотя онъ самъ объ этомъ и не говоритъ, опасаясь, вѣроятно, чего нибудь не добраго для себя за эту агит-

тацію, но ясно, что это его было дѣло, потому что прихожане въ своемъ приговорѣ ссылаются на статью, напечатанную въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Доводя о своемъ приговорѣ до свѣдѣнія своего преосвященнаго, священникъ просилъ его архипастырскаго содѣйствія въ семъ благомъ дѣлѣ. Замѣчательны послѣдовавшія за тѣмъ распоряженія начальства. (Изв. Каз. Епар. № 1)

„Резолюціею Его Высокопреосвященства, на семъ рапортѣ предписано: „Консисторіи разсмотрѣть, какое можетъ быть оказано содѣйствіе прихожанамъ села Юркуль въ достиженіи ихъ благой цѣли уничтоженія питейныхъ домовъ въ этомъ селѣ. А между тѣмъ свящ. Румянцеву предписать, дабы онъ хорошо разъяснилъ своимъ прихожанамъ, что питейные дома сами собою пали бы въ ихъ селѣ и уничтожились, если бы они добровольно и единодушно все согласились и рѣшились никогда не покупать въ нихъ вина, и домохозяева и отцы семействъ строго бы сами смотрѣли за исполненіемъ сего въ своихъ домахъ“.

Консисторія, по разсмотрѣніи сего, опредѣленіемъ своимъ, заключила: „Имѣя въ виду, что, по силѣ 310 ст. Устава о питейп. сборѣ, открытіе заведеній для раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ на земляхъ, составляющихъ собственность сельскихъ обществъ, разрѣшается сельскими сходами сихъ обществъ, что стало бы, если крестьяне села Юркуль есть собственники того села, то они безъ всякаго сторонняго содѣйствія, по одной доброй своей волѣ, могутъ не имѣть въ своемъ селѣ ни одного питейнаго дома, консисторія находитъ излишнимъ для сего дѣла постороннее содѣйствіе и полагаетъ предписать свящ. Румянцеву исполнить требуемое резолюціею Его Высокопреосвященства разъясненіе прихожанамъ села Юркуль“.

На семъ заключеніи консисторіи резолюція Его Высокопреосвященствомъ дана слѣдующая: „Исполнить, и сверхъ того преподать прихожанамъ означеннаго села Божіе благословеніе за ихъ достойный всякаго одобренія и подражанія благочестивый приговоръ, о чемъ и напечатать въ епархіальныхъ Извѣстіяхъ, съ тѣмъ, чтобы и въ другихъ селахъ приходскіе настоятели всемѣрно постарались рас-

положить своихъ прихожанъ къ такимъ же или подобнымъ, направленнымъ къ уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію въ народѣ пьянства, столь сильно развившагося въ послѣднее время къ крайнему вреду душевному и разстройству самого внѣшняго благосостоянія народа“.

Прошли ли наконецъ тѣ времена, когда возвысить голосъ противъ пьянства значило возстановить противъ себя весь приходъ, когда непыющій священникъ дѣлался поневолѣ пьющимъ вмѣстѣ съ своими гостепріимными прихожанами, чтобы только не остаться безъ куска хлѣба? А бывали, не рѣдко, такіе случаи, что священникъ долженъ былъ пить и упиваться именно для улучшенія своего матеріальнаго быта. Какая жалкая пародія на современные намъ проекты объ улучшеніи этого быта! Намъ кажется, что вопросъ объ улучшеніи быта духовенства дѣйствительно долженъ стать въ самой близкой связи съ вопросомъ о пьянствѣ въ народѣ, только конечно не въ той, въ какой онъ стоялъ въ быбля времена. Улучшите бытъ крестьянъ прежде уничтоженіемъ пьянства и распространеніемъ просвѣщенія, починъ и главную долю участія въ этомъ дѣлѣ пусть возметъ на себя духовенство, и явятся новыя средства къ улучшенію быта самого духовенства. Земство, въ рукахъ котораго всѣ средства къ этому улучшенію, можетъ быть, только ждетъ отъ духовенства этой важной услуги, чтобы предложить, какъ бы въ благодарность за нее, свои средства. Есть уже и примѣры, подтверждающіе наши предположенія. Не можемъ не привести здѣсь одного замѣчательнаго доклада одесской уѣзд. земской управы, представленнаго послѣднему очередному земскому собранію (Херсон. Е. В. № 1).

„Всю силу, такъ сказать, ядро земства составляетъ сельское населеніе, какъ преобладающій элементъ общества; тотъ или другой бытъ сельскаго жителя характеризуетъ экономическое благосостояніе страны. По этому-то въ по-

слѣднее время мы и видимъ столько заботъ какъ со стороны земскихъ, такъ и правительственныхъ учреждений объ улучшеніи быта сельскаго населенія путемъ распространенія грамотности, ремесль, взаимнаго кредита, улучшеній въ хозяйствѣ и т. п. Но кто рѣшится отрицать, что это сельское населеніе прежде всего находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ своихъ приходскихъ священниковъ? Въ силу какъ обрядовой стороны православной церкви, такъ и исторически сложившихся обычаевъ, священно-служитель является непосредственнымъ участникомъ во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ въ жизни простолюдина; ни радость, ни горе не обходятся безъ священника. Какъ духовники и наставники своихъ прихожанъ, священники могутъ имѣть на нихъ громадное вліяніе.

На это вліяніе расчитывали всегда много. Если случилось гдѣ либо видѣть зажиточныхъ хозяевъ, хорошо устроенную сельскую школу, не особенно развитую кабачную жизнь, то хотя часть всего этого приписывалась священнику. Слѣдовательно, духовенство призвано быть весьма сильной нравственной поддержкой въ начинаніяхъ земства. Имѣя попеченіе о народномъ образованіи, заботясь объ искорененіи пьянства и т. п., земство стремится къ поднятію нравственнаго уровня массы населенія и тутъ-то оно встрѣчается съ необходимостью въ помощи духовенства.

Но если духовенство является такимъ важнымъ помощникомъ земству въ его заботахъ о массѣ населенія, то земство съ своей стороны, очевидно, въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы духовенство стояло въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для выполненія своей задачи, и пользовалось въ дѣйствительности тѣмъ вліяніемъ, къ какому оно призвано. А для этого, кромѣ образованія и нравственнаго развитія, ему необходимы средства матеріальныя. Священникъ, не имѣющій достаточно средствъ къ жизни, не можетъ дѣйствовать въ кругѣ своего призванія неуклончиво и самостоятельно.

Если мы затѣмъ обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что матеріальный бытъ русскаго духовенства въ средѣ сельскаго населенія до крайности плохъ. Самыми краснорѣчивыми доказательствами этого могутъ служить

цифровыя данныя, взятыя управою изъ херсонской духовной консисторіи. Въ матеріальномъ отношеніи бытъ какъ священниковъ, такъ и остальнаго причта обезпечивается жалованьемъ отъ правительства, доходами съ церковной земли и добродотными пожертвованіями за исправленіе требъ.

Если сложить всѣ полученные священно и церковно служителями доходы изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ источниковъ, т. е. жалованье, доходъ изъ хозяйства и вознагражденіе за отправленіе требъ, то окажется, что весьма не многіе изъ приходскихъ священниковъ могутъ рассчитывать въ годъ на 1000 руб., нѣкоторые, быть можетъ не имѣютъ и половины того. Остальной же причтъ принужденъ довольствоваться одной или двумя сотнями руб.

Понятно, что при такихъ условіяхъ матеріальнаго быта русское духовенство поставлено въ весьма незавидное положеніе.

Это положеніе обусловливается отчасти недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, но главнымъ образомъ оно зависитъ отъ самаго способа приобрѣтенія этихъ средствъ. На это послѣднее обстоятельство управа и желаетъ главнымъ образомъ обратить вниманіе собранія.

Сборы за отправленіе требъ поставили духовенство въ полную зависимость отъ своихъ прихожанъ, что отзывается по большей части весьма вреднымъ образомъ. Не рѣдко случается, что изъ-за этихъ сборовъ между членами приходскаго причта возникаютъ пререканія и споры. Иногда весь причтъ становится въ враждебныя отношенія къ цѣлому приходу. Въ подобныхъ случаяхъ положеніе причта болѣе, чѣмъ неестественно. Міряне, вмѣсто должнаго уваженія и вниманія къ своимъ духовникамъ, относятся къ нимъ небрежно, считая ихъ алчными и сребролюбивыми; нравственное вліяніе священниковъ падаетъ. Не питая къ нимъ довѣрія, прихожане избѣгаютъ ихъ совѣтовъ и относятся къ нимъ подозрительно. Чтобы стать въ болѣе или менѣе дружескія отношенія къ своимъ прихожанамъ, священно и церковно служители вынуждены заискивать ихъ расположеніе, потворствовать ихъ порокамъ и слабостямъ. Это опять таки ставитъ ихъ въ ненормальное положеніе. Спрашивается, въ состояніи ли священникъ

при такихъ условіяхъ выполнить свою задачу, своимъ вліяніемъ споспѣшествовать къ поднятію нравственнаго уровня массъ населенія? Какимъ уваженіемъ можетъ пользоваться въ средѣ своего прихода священникъ, который, при всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо присутствіе священника, какъ то крещеніе, похороны, и т. д. ради поддержанія добрыхъ отношеній, вынужденъ принимать участіе въ тѣхъ бытовыхъ явленіяхъ жизни крестьянъ, которыя онъ долженъ искоренять. Такое положеніе священника, роняя его въ глазахъ мірянъ, порождаетъ въ немъ апатію къ исполненію своихъ обязанностей и заглушаетъ въ немъ способности быть наставникомъ своей паствы.

Вотъ почему мы видимъ, что въ послѣднее время оканчивающіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ не охотно посвящаютъ себя сану священника. Вотъ почему встрѣчаются священники, такъ мало пользующіеся уваженіемъ и довѣріемъ своихъ прихожанъ и мало оправдывающіе вполне свое назначеніе.

Такъ какъ все это зависитъ отъ неблагопріятной матеріальной обстановки, въ которой находятся священники, то понятно, что улучшеніе обстановки этой составляетъ насущную необходимость.

Выше управа имѣла честь изложить значеніе духовенства: только при помощи его, земству удастся достигнуть цѣли возвысить уровень умственнаго и нравственнаго развитія народа, отъ которыхъ зависитъ экономическое благосостояніе. Но такъ какъ духовенство въ этомъ отношеніи можетъ служить поддержкой земству при достаточно-матеріальномъ обезпеченіи, то забота объ этомъ должна всецѣло лежать на земствѣ и по всей справедливости опредѣленіе извѣстнаго жалованья духовенству должно входить въ смѣту земскихъ потребностей. Но если бы собранію не угодно было согласиться съ этимъ мнѣніемъ, тогда необходимо ходатайствовать объ обезпеченіи духовенства на счетъ самыхъ приходоѡ.

Духовенство тогда только будетъ вполне обезпечено, когда доходы его съ приходоѡ будутъ обязательны и опредѣлены. Достигнуть же этого весьма не трудно. Прежде чѣмъ высказать окончательный взглядъ на этотъ предметъ, управа считаетъ не лишнимъ для сравненія пред-

ставить нѣкоторыя данныя изъ быта католическихъ и протестантскихъ причтовъ въ населеніяхъ бывшихъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Одесскомъ уѣздѣ. По собраннымъ статистическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что значительное большинство католическихъ и протестантскихъ священниковъ и причта жалованья отъ казны не получаютъ, надѣлы церковной земли, находящихся въ ихъ пользованіи, такіе же, какъ въ православныхъ приходахъ. Слѣдовательно, правительствомъ они обезпечены меньше, чѣмъ православное духовенство. За то они вполне обезпечены доходами съ приходовъ, которые имѣютъ характеръ опредѣленности и постоянства, а слѣдовательно даютъ имъ возможность рассчитывать на вѣрныя средства. Всякій священникъ получаетъ прежде всего извѣстное жалованье отъ общества, жалованье болѣе или менѣе достаточное,—въ нѣкоторыхъ приходахъ до 600 р. въ годъ. За тѣмъ во всѣхъ приходахъ, какъ католическихъ такъ и протестантскихъ существуетъ такса за отправленіе требъ, какъ наприм: за вѣнчаніе отъ 1 руб. до 5 руб., крещеніе отъ 30 коп. до 1 руб., похороны отъ 60 коп. до 3 руб. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ приходахъ священники получаютъ плату за каждую обѣдню отъ 50 коп. до 1 руб., что составляетъ по собраннымъ даннымъ въ общей сложности до 2 т. руб. въ годъ. Остальной причтъ также обезпеченъ жалованьемъ и платою по таксѣ за требы. Такого рода порядки, обезпечивая духовенство, имѣютъ еще ту весьма выгодную сторону, что ставятъ его въ должное положеніе къ прихожанамъ.

Затѣмъ невольно рождается вопросъ: отчего же наше православное духовенство не можетъ быть такимъ же образомъ обезпечено своими прихожанами, если не захочетъ обезпечить его земство? Не лучше-ли было бы каждому приходу добровольно вносимыя мірянами приношенія въ пользу причта, свести къ опредѣленной цифрѣ и во избѣжаніе недоумѣній, сдѣлать ихъ обязательными?

Для этого, конечно, необходимо выработать извѣстную систему. По мнѣнію управы, введеніе извѣстной таксы за отправленіе требъ въ средѣ крестьянъ собственниковъ не вполне достигнетъ цѣли. Дѣло въ томъ, что во всякомъ приходѣ имѣются бѣдняки, для которыхъ самая

низкая такса можетъ быть чувствительна. Кромѣ того, по мнѣнію управы достоинство священно и церковно-служителей выиграетъ гораздо болѣе, если они вовсе не будутъ получать платы за отправленіе требъ прямо изъ рукъ тѣхъ лицъ изъ мірянъ, для которыхъ требы отправлялись. Выполненіе священникомъ своихъ обязанностей прежде всего должно имѣть видъ полнѣйшаго безкорыстія. Блага церкви для всякаго ея члена должны быть одинаково доступны. Поэтому священники должны спѣшить удѣлять эти блага одинаково какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ, ради только этихъ благъ и по своему призванію, — а не въ виду той или другой платы. Тогда только они будутъ пользоваться полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ мірянъ, какъ священно-служители и духовные отцы.

Достигнуть же этого опять вполне возможно, если уничтожить существующую нынѣ плату за отправленіе требъ обязательныхъ, т. е. за таинства и погребеніе, установивъ только самую ничтожную за акафисты и молебствія. Это необходимо потому, что прихожане могли бы слишкомъ злоупотреблять правомъ бесплатнаго требованія услугъ священника. Въмѣсто же этого обязать приходъ вносить извѣстную сумму на жалованье причту. Чтобъ поставить причтъ въ полнѣйшую независимость отъ прихожанъ, сумма эта должна быть вносима въ кассу управы, откуда священники и получали бы жалованье. Прихожане охотно на это согласятся, если священно и церковно-служители не будутъ получать платы за отправленіе требъ.

По собраннымъ статистическимъ даннымъ, самый меньшій приходъ по населенію въ Одесскомъ уѣздѣ въ с. Аджиголѣ, гдѣ всего 576 душъ, самый большой въ с. Яски, гдѣ числится 3121 душа обоюга пола. Вообще же въ Одесскомъ уѣздѣ только два прихода, въ которыхъ меньше тысячи душъ въ каждомъ. Средняя же населенность каждаго прихода 2000 душъ. Средній доходъ всего причта въ каждомъ приходѣ за исполненіе требъ 400 руб., въ нѣкоторыхъ приходахъ онъ больше и доходитъ до 1000 руб. (въ Буялыѣ), въ нѣкоторыхъ меньше и не достигаетъ 100 руб. По сдѣланному расчету, если распредѣлить равномерно на весь приходъ полу-

ченный причтомъ доходъ за отправленіе требъ, то на каждую душу приходится 30 коп. Определеніе жалованья причтамъ не было бы чувствительно для мірянъ и не составляло бы новыхъ расходовъ, такъ какъ каждому изъ нихъ въ продолженіи года приходится платить священнику за тѣ или другія требы.

Между тѣмъ взносимыя сборы такимъ образомъ будутъ имѣть характеръ общественной потребности, а не вознагражденія за духовныя блага.

Благопріятная матеріальная обстановка дастъ возможность духовенству быть для земства правственной поддержкой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ему приходится бороться съ невѣжествомъ и суевѣріемъ и неразвитостью массъ населенія, какъ на примѣръ, въ дѣлѣ народнаго образованія, устройствѣ санитарно-врачебной части, оспопрививаніи, искорененіи пьянства и т. д.

Какое рѣшеніе послѣдуетъ отъ земскаго собранія по этому докладу управы, еще не извѣстно. Спасибо и за то, что изъ земства начинаютъ возвышаться доброжелательные голоса въ пользу духовенства.

Въ кишиневской епархіи одинъ мировой посредникъ расположилъ крестьянъ своего участка составить приговоры о назначеніи своимъ приходскимъ причтамъ приличнаго жалованья, священнику на прим. отъ 550 руб. до 750 (Кишинев. Е. В. № 2). Въ Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ почти въ каждомъ номерѣ читаемъ о пожертвованіи прихожанами, то того, то другаго села, значительныхъ капиталовъ и процентныхъ билетовъ или для приобрѣтенія и устройства домовъ для причтовъ, или для оставленія самостоятельнымъ какого нибудь малолюднаго прихода.

Вопросъ объ обезпеченіи духовенства тѣсно связанъ съ вопросомъ объ обезпеченіи его сиротствующихъ семействъ. Извѣстно, что новыя правила о семейныхъ правахъ духовенства хотятъ какъ бы выдѣлить изъ духовенства его семейства. Духовенство находитъ для себя въ этомъ тѣмъ сильнѣйшее побужденіе къ тому, чтобы позаботиться о обезпече-

ни своихъ семействъ на будущее время. Съ этою цѣлю въ разныхъ епархіяхъ разработываются проекты эмеритальныхъ кассъ, общества взаимнаго вспоможенія и т. под. Почти всѣ проекты задаются мыслью—создать капиталъ, изъ оборотовъ котораго можно было бы выдавать и пособія сиротствующимъ и эмеритурѣ участникамъ кассы, и то и другое въ размѣрѣ, болѣе или менѣе превышающемъ сумму личныхъ взносовъ того лица, которому предполагается выдавать пособіе или эмеритурѣ. Задача съ перваго взгляда неразрѣшимая: отдавать больше того, что получено. Сравнительно удачнѣе всѣхъ другихъ проектовъ эта трудная задача разрѣшена въ проектѣ свящ. М. Бурцева, напечатанномъ въ 1869 году въ нашихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (№№ 23, 24). Исходя изъ той мысли, что касса должна въ одно и тоже время и помогать въ нуждѣ и отдавать справедливое вознагражденіе щедрымъ плательщикамъ кассы, составитель проекта распредѣлилъ выдачу эмеритурѣ такъ, что платившій въ кассу больше другихъ будетъ получать и изъ кассы больше, но не во столько разъ, во сколько больше заплатилъ. Наприм. вы предположили платить въ кассу по 1 р. въ годъ, и, успѣвши заплатить одинъ только разъ, на другой же годъ поступаете въ число пенсіонеровъ кассы, вамъ будутъ выдавать ежегодно по 40 коп.; если же вы поступили въ число пенсіонеровъ, проплативши два года по 1 р., то вамъ обѣщаютъ выдавать за ваши 2 руб. не 80 к., а 60 к.; послѣ трехъ лѣтъ платы вы получите за 3 р. не 1 р. 20 к., а 80 к. и т. далѣе. Чтобы быть еще болѣе послѣдовательнымъ по отношенію къ своей исходной мысли, составитель проекта долженъ былъ бы установить подобную прогрессію и въ отношеніи къ разрядамъ взносовъ. Наприм. если платившій по 1 р. получаетъ за одинъ платный годъ 40 к., то платившій 2 р. пусть получаетъ не 80 коп., а нѣсколько менѣе (напр. 75

или 70 к.). Разумѣется нужно предположить, что въ большинствѣ случаевъ тотъ, кто меньше другихъ обезпеченъ, выберетъ для себя низшіе разряды платы въ кассу, а кто больше обезпеченъ, выберетъ одинъ изъ высшихъ разрядовъ. Мы имѣемъ вѣрное извѣстіе, что объ учрежденіи въ нашей епархіи эмеритальной кассы разсуждалъ нашъ послѣдній епархіальный съѣздъ и постановилъ поручить разработку проекта кассы особенной комиссіи изъ членовъ съѣзда. Желаемъ полного успѣха этой комиссіи, желаемъ по крайней мѣрѣ, что бы комиссія не пришла къ тому же заключенію, къ какому пришелъ недавно кіевскій комитетъ, которому поручено было составить правила эмеритальной кассы. Комитетъ не нашелъ никакой возможности учредить въ духовенствѣ кіевской епархіи подобную кассу. Между другими препятствіями онъ указалъ, что для полученія пенсіи во 100 р. нужно вносить въ кассу по 25 р. въ теченіи 35 лѣтъ, тогда какъ по таблицамъ о Бурцева для этого достаточно 20 лѣтъ. Комитетъ склонился наконецъ къ той мысли, что вмѣсто учрежденія эмеритальной кассы нужно проектировать положенія о взаимномъ вспоможеніи (Ярослав. Е. В. № 5). Въ чемъ должно будетъ состоять это взаимное вспоможеніе, пока неизвѣстно. Но намъ кажется, что наше духовенство не легко разсталось бы съ мыслью объ эмеритурѣ. Если подъ взаимнымъ вспоможеніемъ разумѣть усиленіе средствъ и дѣятельности духовнаго попечительства, то этимъ можно бы пожалуй утѣшиться вмѣсто эмеритуры. Но какъ это сдѣлать? Не однимъ же, конечно, увеличеніемъ обязательныхъ сборовъ съ духовенства. На этотъ разъ нельзя не привѣтствовать, какъ благотворной мѣры, новой постановки духовнаго попечительства въ херсонской епархіи. Тамъ основаніемъ при назначеніи тѣхъ или другихъ окладовъ пособія служатъ (съ 1873 г.) благочинническія вѣдомости о

бѣдныхъ, составленныя при участіи мѣстнаго духовенства, входившаго въ ближайшее разсмотрѣніе нуждъ каждаго призрѣваемаго семейства или лица, и затѣмъ назначавшаго размѣръ пособія каждому изъ нихъ по соображенію съ суммою представленнаго отъ благочинія сбора пожертвованій на бѣдныхъ духовнаго званія. Право, предоставленное духовенству каждаго благочинія, распредѣлять между своими бѣдными собираемыя въ томъ же благочиніи пожертвованія, возбудило въ нѣкоторыхъ благочинническихъ округахъ особенное стараніе объ увеличеніи этихъ пожертвованій и объ изысканіи новыхъ источниковъ для вспоможенія своимъ бѣднымъ, послѣдствіемъ чего было увеличеніе окладовъ пособія по этимъ именно благочиніямъ (Херсон. Е. В. № 2). Подобная постановка попечительства сдѣлана была въ прошедшемъ году въ донской епархіи (Дон. Е. В. 1873 г. № 16). Но о послѣдствіяхъ ея мы ничего не знаемъ.

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ обращаемся снова къ нашимъ мѣстнымъ проектамъ емеритальной кассы. Въ нашихъ Епарх. Вѣдом. въ 1869 году, напечатаны были два такихъ проекта: проектъ особой комиссіи, которой было поручено это дѣло съѣздомъ благочинныхъ, и проектъ свящ. М. Бурцева. Прошло 4 года съ лишкомъ послѣ напечатанія обоихъ проектовъ, и хоть бы одинъ отзывъ по поводу ихъ со стороны духовенства. Редакція Т. Е. В. въ прошедшемъ году получила одинъ только отзывъ, сочувственный проекту о. Бурцева, — отзывъ, правда, почти голословный, но и за то спасибо автору (свящ. В. Л—ву): онъ все-таки нашелся замѣтить на проектъ о. Бурцева, что взиманіе опредѣленной платы въ пользу кассы съ родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ „положительно невысказано“, ссылаясь въ доказательство справедливости своего замѣчанія на свой собственный опытъ. Известно, что у насъ

въ епархіи были нѣкогда введены подписные листы для сбора пожертвованій, при совершеніи требъ, въ пользу вдовъ и сиротъ духов. званія. О. Бурцевъ пишетъ, что духовенство обыкновенно не предлагало этихъ листовъ при совершеніи требъ, и потому пожертвованій не было. Но авторъ отзыва вотъ что на это отвѣчаетъ: „поступивши на мѣсто священника въ городъ (уѣздный) во время существованія этихъ листовъ, я со всеусердіемъ новичка принялся—было предлагать листы эти для подписа прихожанамъ, но встрѣтилъ такой протестъ, что принужденъ былъ оставить это и вносить свои деньги. Если ужъ городскіе прихожане стѣснялись этимъ сборомъ, чего же ждать отъ сельскихъ? „Нельзя не поблагодарить автора за эту хотя и краткую, но дѣльную. да еще притомъ въ 4 года единственную замѣтку, Для того, чтобы вопросъ объ эмеритальной кассѣ совершенно не заглохъ, полезны были бы хоть какія нибудь заявленія со стороны духовенства въ пользу или противъ того или другаго проэкта. Но вотъ что не понятно: какимъ образомъ могло случиться, что авторъ вышеупомянутаго отзыва, повидимому горячо заинтересованный вопросомъ объ эмеритальной кассѣ, говоритъ о проэктѣ о. Бурцева, напечатанномъ въ №№ 18 и 19 Т. Е. В. за 1868 г., тогда какъ въ концѣ 1869 и въ началѣ 1870 г. въ тѣхъ же Епарх. Вѣдом. напечатанъ былъ другой, болѣе солидный, проэктъ того же о. Бурцева, и объ этомъ послѣднемъ проэктѣ авторъ отзыва, повидимому, совершенно ничего не знаетъ. Проэктъ комиссіи, напечатанный въ Т. Е. В. 1869 г. тоже, не намѣренно или намѣренно, игнорируется авторомъ. О существованіи самой комиссіи онъ, повидимому, знаетъ и вотъ что объ ней говоритъ: „помнится будто назначена была даже комиссія для составленія проэкта кассы“. Значить автору ничего не извѣстно о томъ, что сдѣлала и напечатала въ Т. Е. В. эта комис-

сія? Явленіе не отрадное. Трудившимся надъ составленіемъ проэктвъ кассы въ утѣшеніе остается увѣренность, что наше духовенство еще и теперь не отказалось отъ своего желанія учредить у себя эмеритальную кассу. Желаніе это выразилось снова на послѣднемъ нашемъ епархіальномъ съѣздѣ. Мы не знаемъ, какъ отнесся съѣздъ къ проэктамъ комиссіи и о. Бурцева, но не думаемъ, что съѣздъ, назначая новую комиссію, такъ же, какъ и авторъ вышеупомянутаго „Отзыва“, игнорировалъ дѣйствія прежней комиссіи и проэктъ о. Бурцева, и во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что новая комиссія отнесется съ должнымъ вниманіемъ къ тому, что уже до нея было сдѣлано.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

1) Пожертвованія въ пользу голодающихъ самарцевъ.

а) Ефремовскаго у. с. Ломскаго свящ. Павелъ Геролевъ донесъ своему благочинному, что на самарскую губернію по случаю голода пожертвовано въ этомъ селѣ 75 р. А именно: свящ. Пав. Геролевъ 4 р., діаконъ П. Калининъ 2 р., дьячекъ В. Райскій 50 к., поном. В. Киндиновъ 50 к., А. И. Аксеновъ 6 р., Неизвѣстная 5 р., Н. Н. Гусевъ 4 р., Яковъ Ивановъ 3 р., О. И. Ериговъ 2 р., Арсеній Семеновъ 2 р., Павелъ Иларіоновъ 2 р., Михаилъ Ананьевъ, Андрианъ Игнатовъ, Василій Ѳедоровъ, Василій Терентьевъ Барановъ, Карпъ Алфировъ и Евстафій Арсеньевъ по 1 р., Денисъ Васильевъ 40 к., Панфилъ Максимовъ, Андрей Герасимовъ, Анисимъ Ѳоковъ и Михаилъ Семеновъ по 1 р., Михаилъ Ильинъ 52¹/₂ к.; прочіе, болѣе 60 человекъ, пожертвовали рожью на 33 р. 7¹/₂ к.

б) г. Одоева Богоявленской ц. свящ. Николай Щегольвъ прислалъ въ редакцію Т. Е. В. 20 р. въ пользу

голодающихъ самарцевъ, собранные въ означенной церкви въ день Срѣтенія Господня отъ доброхотныхъ дателей вслѣдствіе его воззванія. Деньги эти редакция проводила въ самарскую губернскую земскую управу.

2) **О второмъ изданіи, въ 1873 году, «собранія словъ, бесѣдъ и рѣчей» преосвященнѣйшаго Іоанна, епископа полтавскаго и переяславскаго.**

Въ началѣ минушаго 1873 г. издано въ г. Полтавѣ, при редакціи мѣстныхъ Епарх. Вѣдомостей „Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей“ преосвящ. Іоанна, епископа полтавскаго и переяславскаго. Изд. это, въ количествѣ 1500 экз., быстро разошлось какъ въ предѣлахъ полтав. епархіи, такъ и внѣ оной; требованія же на эту книгу, въ немаломъ количествѣ, не перестаютъ поступать въ редакцію и до сихъ поръ; такимъ образомъ, любителей духовнаго просвѣщенія можно было удовлетворить на сей разъ не иначе, какъ вторичнымъ выпускомъ въ свѣтъ означеннаго „Собранія“. Это второе изданіе уже вышло изъ печати къ концу того же 1873 г.,—въ улучшенномъ видѣ и значительно умноженное: первое изданіе было о 360 печат. страницахъ, а это о 416 стран.,—въ 8-ю долю большаго листа.

Цѣна сему изданію 1 р. 70 к. съ пересылкой, а безъ пересылки 1 р. 50 к.

Адресоваться или въ редакцію Полтав. Епарх. Вѣдомостей, или въ Управление Полтавскаго Архіерейскаго дома.

3) **Въ Московской Синодальной книжной лавкѣ (на Никольской улицѣ) имѣются въ продажѣ между прочими, слѣдующія книги:**

Церковной печати: Евангелія, чтומья во св. и великій четвертокъ на литургіи, на умовеніи и по умовеніи ногъ, во св. и великій пятокъ на утрени и вечерни:

а) въ листъ въ бум., цѣна за экз. въ пер. бум. 45 к. (на перес. за 1 ф.)

б) въ 16 д., на вел. бум., цѣна за экз. въ кол. пер. 75 к., бум. 30 к. (на перес. за 1 ф.)

(в) въ 16 д., на простой бум., цѣна за экз. въ пер. бум. 8 коп. (на перес. за 1 ф).

Канонъ великій, твореніе Св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ чтенія на первой недѣлѣ великаго поста, въ 16 д. л., цѣна за экз. въ пер. кож. 45 коп., корешк. 35 к., бум. 20 к. (на перес. за 1 ф).

Канонъ великій, твореніе Св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ чтенія на пятой недѣлѣ великаго поста, въ 16 д. л., цѣна за экз. въ пер. кож. 45 коп., кореш. 35 коп., бум. 20 к. (на перес. за 1 ф).

Служба на каждый день первыя седмицы великаго поста, въ 4 д. л., съ кин., въ 2 кн., цѣна за экз. въ пер. кож. 4 р. 20 коп., бум. 3 р. 50 к., (на перес. за 7 ф).

Служба на каждый день страстных седмицы великаго поста въ 4 д. л. съ кин., въ 2 кн., цѣна за экз. въ пер. кож. 3 р. 60 к., бум. 2 р. 90 к., (на перес. за 7 ф).

Тріодъ постная, или Тріодіонъ, съ киноварью, въ л., цѣна за экз. въ пер. кож. 5 р. 50 к. (на перес. за 10 ф), безъ перепл. 4 р. 60 к. (на перес. за 8 ф).

Тріодъ постная, или Тріодіонъ, въ 4 д. безъ кин., цѣна за экз. въ пер. кож. 2 р. 70 к. (на перес. за 7 ф), кор. 2 р. 50 к. (на перес. за 7 ф), бум. 2 р. 35 к. (на перес. за 5 ф).

Тріодъ постная, или Тріодіонъ, въ 8 д. съ кин., цѣна за экз. въ пер. кож. 1 р. 87 к. (на пер. за 7 ф), въ кор. пер. 1 р. 67 к. (на пер. за 7 ф), въ бум. 1 р. 55 к. (на пер. за 5 ф).

Чинъ на умовеніе ногъ во св. и великій четвертокъ, въ 4 д. л., цѣна за экз. въ пер. бум. 20 к. (на пер. за 1 ф).

Ирмологъ простой, въ 4 д. съ кин., цѣна за экз. въ перепл. кож. 1 р. 55 к. (на перес. за 2 ф), бум. 1 р. 15 к. (на пер. за 2 ф).

Гг. иногородные благоволятъ обратиться въ контору Московской Синодальной Типографіи, съ приложеніемъ пересылочныхъ денегъ по вѣсу.

Редакторъ протсіерей А. Ивановъ.

Типографія Н. И. Соколова, въ Тулѣ.

Дозволено цензурою 28 Февраля 1874 года.